

Александр Марков

Отражение Улле

Марков А. В.

Отражение Улле / А. В. Марков —

Улле – невидимый, страшный пришелец – захватил Землю. Проникнув в разум и сердца людей, он подчинил их своей воле и превратил мир в царство зла и ужаса. Покорные демону люди, во многом потерявшие человеческий облик, постепенно исполняют чудовищный план пришельца – превращают Землю в мертвую пустыню. Во всем мире осталось лишь несколько человек, в разум которых Улле не смог проникнуть. Их называют выродками, за ними охотятся как за дикими зверями, их боятся и ненавидят. Выродки рассеяны по миру, ничего не знают друг о друге и не ведают, как спасти Землю. Ведомые лишь смутными догадками, бесконечно одинокие в царстве тьмы, окруженные бесчисленными врагами, сумеют ли они найти друг друга, собрать по крупицам утерянное знание о том, каким был мир до прихода Улле? Сумеют ли через тысячи препятствий, сражаясь с оборотнями, чудищами, упырями, уничтожить Улле в его страшном логове...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Марков

Отражение Улле

ПРОЛОГ

Ночью небо спустилось почти до земли. Покрыло, укутало ледяною мглой вершины гор и теперь стекало, клубясь, по сырým расщелинам в долины.

Всю ночь Ильг пробиралась в кромешной тьме через дебри. Березовое криволесье обдавало ливнем, чуть дотронешься до спутанных ветвей. Она брела по болоту, где набухший водой мох жадно всасывал ноги, а отпускал неохотно, с хищным упыриным чмоканием. И ночная невидимая птица все металась над головой, завывая:

– У-улле! У-улле!

Ильг вздрагивала, кутаясь в волчью шкуру, бормотала: «Молчи, злая тварь, беду накличешь!» А утром, когда небо посерело над горами и болото осталось позади, Ильг разглядела в рассветной мути вздымающуюся перед нею стену из черных бесформенных глыб, скользких, в лохмотьях лишайников. Чахлые сосны впились корнями в трещины скал. Из расщелин тянуло земляным холодом. Ильг полезла вверх, цепляясь за стволы и корни, – почти сплошь гнилые, в ее руках они рассыпались в труху, кишашую муравьями.

– Брюхо мое, брюхо, – стонала Ильг, придерживая огромный живот, облепленный листьями и мхом. – Повремени еще, дай до норы добраться.

Вконец обессилив, Ильг сползла в глубокую расщелину с мшистым мягким дном. Сверху нору закрывала громадная глыба, вбитая, как клин, в трещину; под ней было темно и тихо. Комары, прозябшие за ночь, теперь отогрелись, зажужжали и облепили Ильг с головы до ног.

– Ишь, налетели, упырьки зудливые. Тоже ведь, мелкая тварь, а Хозяину верно служит, – только вымолвила Ильг, как стало ей не до них. Стиснула зубы, сжала кулаки, ногти вонзила в ладони – терпе-еть! Кричать не смей, закричишь – зверь придет, человек услышит, из мглы небес спустится Хозяин.

Так и терпела, пока не родила. Опомнилась быстро, подхватила ребенка, вышла из-под камня на свет. Мальчишка. Это ладно, пусть руку покажет! Младенец молчал, сжав кулачки, деловито сопел. Ильг осторожно разжала левый кулачок и уставилась на чистую розовую ладошку.

И тут сверху раздался хриплый, дрожащий голос:

– Э, Ильг, да ты выродка родила!

Ильг метнулась под камень, втокнула ребенка в самый угол, сжала нож в руке, выглянула. Старый Гури уже лез в расщелину. Драная шкура еле прикрывала его зад, седые лохмы торчали кое-где среди шелухи и коросты на шишковатом черепе. В руке он держал копьё и не спускал с женщины своих хитрых глаз. Вот он уже внизу рядом с ней.

– Чего уставилась? – Кряхтя, старик остановился в двух шагах, не решаясь подойти ближе.

– Следил?

– Не. Жрать охота. Почуял кровь.

– Улле тебя накормит.

Старикашка дернулся, словно ужаленный, покосился на мглистое небо.

– Тихо ты, вражье отродье! Не ровен час, услышит!

– Чего надо тебе? Слюни-то подбери!

Старик утерся.

– Выродка ты родила. Я видел.

– А тебе что за дело?

– А то: разорвут тебя.

– Разорвут, коли сболтнешь.

– Дашь мне его – не сболтну. Жрать охота. Два дня не жрал.

– А не соглашусь?

– Ты... того, не дури! – Гури замешкался было, но потом сверкнул злобно глазами, ногой топнул, взмахнул копьем. – Всем скажу, тварь ты, упырица болотная, сгнили чтоб твои потроха, всем скажу, что за змей выполз из твоего зловонного чрева!

– Добро, – усмехнулась Ильг. – Уговорил. Пусть примет благую смерть. Одним страдальцем меньше станет.

– Благую смерть, да! – Старик причмокнул, заулыбался. – А чего заартачилась-то?

– Сама голодаю. – Ильг подтолкнула старика. – Полежай. Там он.

Гури нагнулся, полез под камень. Тут Ильг и всадила ему нож в поясницу. Старик мягко плюхнулся в мох. Ильг вытащила его на свет, перевернула, села на грудь, нож к горлу приставила и сказала:

– Вот и пришел тебе конец, пес ты шелудивый.

Гури хотел ругаться, да раздумал. Чего уж теперь...

– Скажи, – прохрипел он, – зачем в эту глушь-то забралась? Знала, что ли, кого родишь?

– Не знала, да подозревала.

Гури прикрыл глаза, помолчал, потом снова заскрипел старой глоткой:

– А скажи, старшего своего, Энки, тоже в лесу рожала?

– Здесь и рожала. – Ильг пощекотала его ножом. Ребенок в норе заплакал. – Ты еще подумай, старый. Глядишь, чего и надумаешь.

Тут глаза Гури широко-широко раскрылись.

– Слышь, Ильг, а ведь это не медведь Энки руку отгрыз, когда он родился!

– Я ж говорила: догадаешься. Твоя правда, я ему руку отгрызла. Энки жизнь сохранила и этому сохраняю. И руку сохраняю. Способ я нашла...

– Ну, все, хватит с меня, – еле выдохнул Гури. – Кончай меня, волчица, жаждался я благой смерти.

– В пустоту уходи. – Нож с хрустом вошел в горло. – Не держу на тебя зла. Да не встретишь ты Улле по ту сторону жизни!

Старик помер. Ильг слезла с него, вытащила ребенка, согрела, снова посмотрела на ладонку. И на свою ладонь взглянула, с круглой черной родинкой посередине. И мертвый Гури растопырил грязную пятерню с той же меткой.

Ильг сдернула с шеи ожерелье из гадючьих зубов, выбрала зуб покрупнее. Сорвала горсть черных ягод нэр, выдавила каплю сока на камень. Взяла змеиный зуб губами, набрала сока в канал для яда. Потом воткнула острие ребенку в ладошку, дунула. Черное пятнышко расплылось под кожей.

– Выродок – не выродок, – Ильг прижала малыша к груди, тот свернулся удобненько и заснул. – Не мое это дело. А дело мое волчье – детеныша защищать. – И, помолчав, добавила: – Будешь ты Орми. Змеем называли тебя при рождении, и змеиный зуб подарил тебе жизнь. Расти, змееныш.

Глава 1

ЗНАКИ

Зима стояла злая. Темь и холод. Бурое небо, серый снег. Голодно было.

Утром Кулу созвал к себе всех ядозубов. Пришли и Барг-вояка, и Слэк колченогий, и все остальные – косматая дрань, людоеды блохастые. Энки и Орми тоже пришли, сели в сторонке. Кулу влез на камень.

– Гляжу я на вас, нечисть вонючую, и в толк не возьму: как только такое дерьмо на свете живет. Да без меня вы просто сто пудов гнилого мяса! Лягушачий гу! Блевотина упыриная! Бурдюки с дерьмом, обед для кровохлебов!

Ядозубы заулыбались.

– Молодец вождь, – прогундосил Слэк. – Складно говорит.

Орми потянул брата за культю и прошептал ему в ухо:

– Почему ядозубам нравится брань слушать?

– И тебе нравится?

– Не мне. Всем. Мне-то нет.

– А почему ядозубы человечину жрут, знаешь?

– Я не жру. Ну, скажи почему?

– И я не жру. На то мы и выродки. А все это оттого, что хозяин над нами – Улле.

– Вот заладил: Улле да Улле, – обиженно протянул Орми. – Это не ответ. Ты мне толком объясни.

– Погоди, не время сейчас, – отмахнулся Энки. – Слушай, чего вождь говорит.

– Что велел нам Хозяин? – продолжал между тем Кулу. – Ненавидеть! Убивать! Всех с потрохами жрать! Что слаще крови человеческой? Ничего нет! А давненько мы ее не нюхали. Сколько дней уже голодными ходим. Хватит! Натерпелись! А носорог этот, которого Барг недавно убил, – не в счет. Дрянь все это. Пора настоящей еды добыть. На кровохлебов пойдем! Сегодня же ночью поведу вас в поход. Побьем кровохлебов, человечины нажремся, Улле напоим горячей кровью!

Народ взревел.

А ночь пришла – ядозубы собрались, вооружились ножами и копьями и двинулись в путь. Все мужики пошли, да и бабы, что поздоровей. Почему не пойти? Верно Кулу говорил: либо брюхо набьешь, либо смерть благую найдешь. Так и так – любо.

Энки и Орми шагали впереди, рядом с вождем. Энки был добрый воин – хоть и однорукий, а пары двуруких стоит. Орми молодой, шустрый. Одно в братьях плохо: в темноте почти не видят.

Шли до утра по глубокому снегу. А как засерела на востоке небесная мгла, увидели селение кровохлебов. Было там домов тридцать, все из мамонтовых костей и шкур. Над грудой гнилья и костей стоял деревянный Улле, кругом него – шесты с головами. Из домов валил дым. Кровохлебы грелись. Наружу в такую рань никто носа не сунет.

Ядозубы столпились на опушке. Кулу сказал:

– Ну, братья, судьба нынче либо кровохлебам кровью своей захлебнуться, либо нашим головам вот на этих колах торчать.

И повел в бой. К первому дому подкрались тихо. Выдернули из-под стен мамонтовые черепа, что поддерживали бивнями крышу. Обрушили дом на спящих и всех, кто там был, перекололи в кутерьме среди шкур и костей.

И второй дом взяли. Тут кровохлебы стали выбегать из домов, собираться в кучки. Да только мало кто из них осмелился принять бой. Ядозубы-то уже почуяли кровь, ярость в них

вошла. После первой же стычки кровохлебы увидели: не с ними сегодня удача. Бросились бежать.

Ядозубы недолго их преследовали. Похватали детей и девок молодых, связали им руки и погнали в свое селение. Мужиков, кого поймали, пожалели – сразу убили. Мертвых оставили – не тащить же на горбу мертвечину, если горячего и свежего взяли сколько хотели.

Вернулись, когда стемнело, привязали пленных к деревьям и сразу повалились спать.

Наутро Энки разбудил брата:

– Вставай, Орми. Скоро людей жрать начнут и нас заставят смотреть. Пойдем в лес. Поохотимся, глядишь, и себе еды добудем.

Но не вышло уйти: заметил их Кулу.

– Стойте! – крикнул. – Как же мы без вас-то? Забыли, что нынче праздник? Сыты вы, что ли?

Вернулись.

Все ядозубы скоро собрались на священной поляне. Посреди нее стоял Улле – идолище из палок, костей и человеческих голов. Во все стороны торчали из него рога, когти и мамонтовые бивни.

Привели пленных, и началась потеха. Отвели ядозубы душу за все голодные дни. Чего только не выдумывали. Девкам-кровохлебкам уши пообрывали, напоили врагов их же кровью, детишек глодали живьем. Не забыли и свою любимую забаву: вспороть брюхо, кишку к идолищу привязать и водить кругом, пока все потроха не намотаются Улле на шею. Пленные же за ночь так окоченели – или от страха им мозги отшибло, – что вроде и нипочем им было все это. Почти не кричали.

Орми и Энки стояли в стороне, отводили глаза. Благо никому до них не было дела. Под конец только подошла к сыновьям Ильг, утерла кровь с губ и сказала:

– Что стоите, словно сами на вражий пир попали?

– Ничего, мать, – отвечает Энки. – Просто так стоим. Отдыхаем.

Ильг усмехнулась:

– Меня-то не обманешь. Знаю, не по сердцу вам наша лютая жизнь. Уходить вам надо. Лес велик, найдете себе место. Чужие вы здесь.

И пошла в землянку спать. Набитое брюхо голову в сон клонит.

Вскоре и другие разбрелись по своим норам. Один Улле остался на поляне. Стоял, поскрипывал, весь обвешанный потрохами.

– Улле велел нам всех ненавидеть, – сказал Орми брату. – А я ненавижу его самого! Тварь смрадная! Ненасытный червь! Пусть уши свои сожрет!

Энки рассмеялся.

– Смотри, накажет он тебя за такие слова!

– Да пропади он! Не боюсь его.

Тут показалось братьям: идол зашевелился, заскрипел, приоткрыл костяную пасть.

– Все равно не боюсь! – крикнул Орми.

– Тихо ты! – цыкнул Энки на брата. – Еще услышит кто. Пойдем, что ли, на охоту. Все поели, одни мы голодные остались.

Взяли они луки, пошли в лес. Бредут по колено в снегу, высматривают звериные следы. Энки говорит:

– Вот ты сказал: Хозяина ненавидишь. Ну а людей, что ему служат, – тоже?

Орми задумался.

– Нет. Надо бы и людей ненавидеть, но – нет. Я их... это... слово забыл. Или нет такого слова?

Энки улыбнулся.

– Слова нет. А ведь было, наверное, когда-то. Шли долго. Наконец повезло братьям: Энки подстрелил зайца. Высекли огонь, развели костер, зажарили добычу. Орми у костра разомлел и разговорился:

– Разве плохо? Что бы всем людям так не жить? Не скажешь? Отчего все друг друга жрут? Как самим-то не тошно?

– А что, – сказал Энки, – может, правы-то они, а мы – выродки, вот нам и кажется, что все не так.

– Думал я об этом. Неправда. Ты на зверей погляди. Кто из них своих детенышей жрет? А если б могли они говорить, кто из них назвал бы свою жизнь «страданием», а смерть – «благом»?

Энки долго молчал, смотрел на брата. Наконец сказал:

– Вырос ты, Орми. Пора тебе одну вещь показать.

– Что за вещь? Покажи.

– Вот что: давай шкурами поменяемся.

Орми поглядел на брата с сомнением.

– Твоя-то шкура незавидная. Гляди, вся шерсть вылезла. А у меня новая совсем.

– Врешь, добрая шкура. Не замерзнешь. Старая только. Да дело не в шерсти! Вот, гляди.

Энки снял шкуру, бросил на снег мехом вниз. А с изнанки вся она была в черных пятнышках.

– Тьфу! Ты что, блох на ней давил?

– Дурак ты! Рассмотрю получше.

Орми пригляделся. Пятнышки и впрямь были занятные. Маленькие, а все разные. Где вроде как и в самом деле блошка раздавленная, где комарик, где паучок, где травинка прилипла. От этих черточек и точек рябило в глазах.

– Ну, давай одевайся, холодно так сидеть-то. А с метинками потом разберешься.

Переоделись.

– Что хоть это такое? – спросил Орми. Энки огляделся, словно их могли подслушать, и сказал чуть слышно:

– Это, брат, знаки.

– Чего?

– Ну, знаки. Вот если упыриный след на снегу увидишь, что сможешь сказать?

– Упырь прошел. Ну, еще скажу, когда прошел и куда, торопился ли, нес ли кого, голоден или сыт.

– Все верно. Так вот эти пятна – как следы. По ним много чего сказать можно. Они вроде как сами говорят.

– Ты-то откуда знаешь?

– А я на них долго смотрел, разбирал, думал. Сначала ничего не выходило, а потом вдруг как ожили знаки. Заговорили. И рассказали мне кое-что.

– Что же они рассказали?

– Не скажу, брат. Ты уж сам. Я ведь из этого рассказа почти ничего и не понял. Может, тебе больше повезет.

Орми подумал, помолчал.

– Ну, ладно. А где ты взял эту шкуру? Или тоже секрет?

– Мне ее отец дал.

– Кто-о?

– Не веришь? Ладно, слушай. Иду я раз по болоту. Вдруг из-за камня – человек. Старый, ребра торчат. Я на него копьем замахнулся, а он спрашивает: «Тебя Энки звать?» – «Верно», – говорю и думаю: «Откуда он может меня знать? Сам-то не из наших». Он тогда говорит: «Я – твой отец». И левую ладонь показывает. А на ладони метки нет!

– Болотный выродок! – вырвалось у Орми. – Так вот кто твой отец!

– Да и твой, наверное. Я ему: «Чего тебе?» А он мне вот эту шкуру сует. «Возьми, – говорит, – шкуру, береги ее, она тебе всю правду расскажет. Я ее от своего отца получил и теперь вот тебе передаю. И следы, чтоб никто из меченых не увидел ее с изнанки, а то – беда. Знаки разберешь – другому выродку отдай». Сказал и исчез, как в болото провалился. – Энки помолчал и нехотя добавил: – А если по правде, не удалось мне разобрать знаки. Бился, бился, да и бросил. Видно, я из выродков выродок. На тебя вся надежда.

– Ладно, – сказал Орми. – Пошли домой. Темнеет. Скоро упыри на охоту выйдут.

Зимние дни долго тянутся, но и им пришел конец. Снег растаял, прилетели из-за Мертвых земель грачи и вороны. В первый теплый день Орми ушел из селения, спрятался в ущелье за болотом и стал разглядывать знаки на шкуре. Вертел шкуру то так, то этак, а все знаки молчат, Орми задумался.

– Тут, верно, с умом нужно... – сказал он самому себе. – Дай-ка сосчитаю знаки.

Считал, считал, сбился. Снова начал, дошел до тысячи и сбился опять.

– Что-то тут не то. Ладно, попробую по-другому.

Стал искать одинаковые знаки. Оказалось – одинаковых много. Сосчитал тогда разные. Вышло двадцать пять.

– Если это рассказ, то каждый знак должен быть словом. Рассказы ведь из слов. Однако двадцатью пятью словами много не скажешь. Вот незадача! Что же это такое?

Как ни думал Орми, как ни бился – в тот день дело так и не сдвинулось. На другой день снова пришел в ущелье, снова растянул шкуру. И опять ничего не придумал. На десятый день его осенило. Догадка пришла во сне. Он увидел слово – как горсть разноцветных камушков. Камушки рассыпались по земле, легли рядком. И зазвенели вдруг разными голосами: в лад цвету – и каждый в свой черед. И Орми услышал незнакомое слово. Почему-то оно показалось ему очень важным и сильным, как заклятие. Четыре камня были в слове. Первый и третий, зеленые, прозрачные, звенели тонко: и-и-и. Вторым, белым, матовым с поволокой: м-м-м. Четвертым, красно-бурым, ребристым, рычал-перекачывался: р-р-р.

Имир.

Утром Орми побежал со всех ног в свое тайное укрытие. Теперь-то он знал, что за знаки на шкуре. Не слова, а голоса. Они звучат поочередно, и из нескольких голосов получается слово.

Только как он ни всматривался, как ни вслушивался – не мог услышать голоса знаков. Тут уж Орми совсем растерялся. Даже разозлился. Завернулся в шкуру, побрел домой. По дороге пожевал прошлогодних ягод – тайком, чтобы никто не заметил. И на завтра никуда не пошел. Решил – все без толку, не осилить ему эту тайну. Только по ночам, во сне приходили теперь к нему знаки и все пытались заговорить, да не могли.

Раз ночью Орми проснулся – а в землянке вместе с ним жило людоедов двадцать – и чувствует: падалю воняет. Да не так, как если потянет ветром с поляны Улле. Идол-то, ясно, человеческими потрохами обвешан круглый год, лето на дворе, как ему не смердеть. Но поляна все же не близко, а воняло в норе так, что хоть в лес беги. Орми замер, прислушался. Слэк храпит, стены трясет. Илыг дышит тяжело, с присвистом. Все знакомые, мирные звуки. Орми каждого ядозуба узнает на слух, по дыханию. Но вот послышался вроде какой-то шелест. Накатила волна гнилого воздуха. И писк – тонкий-тонкий, словно голос летучей мыши. У Орми – волосы дыбом, по спине побежали мурашки. Упырь в землянке! Тут уж тому, кого ночная тварь выберет – одному ли, двум, – не будет спасения.

Вдруг Энки перестал сопеть. Еще два-три ядозуба проснулись, почуяли упыря и затаились, дышать боятся. «Неужели мы ничего не можем сделать? – подумал Орми. – Кто из нас когда пытался сразиться с упырем? Правда ли, что не берет их ни нож, ни копье? А ну как я возьму и проверю?»

В этот миг застонала Ильг. Хрипло, коротко – и тут же смолкла. А потом раздалось хлюпанье.

Орми нащупал в темноте копьё – ядозубы всегда с оружием спят, – вскочил и закричал во весь голос:

– Братцы-язодубы, вставайте! Упырь в норе! Зажгите огонь, чтоб мне видеть, куда бить!

Тут наступила такая тишина, что в ушах зазвенело. Никто уже не храпел. Проснулись все – и ни один не сдвинулся с места. Хлюпанье тоже прекратилось. Орми шагнул вперед, ударил копьём наугад – раз, другой. Все в пустоту. Тут Энки встал, тоже с копьём. Начали вдвоем копьёми тыкать в воздух. Вдруг послышался стук. Упырь взвалил добычу на спину и прошуршал к выходу – быстро, как ветер, на то и упырь. Орми метнул копьё на звук – и оно воткнулось во что-то мягкое, но никто не вскрикнул. Потом все стихло. И вонь пропала.

Тут наконец ядозубы зашевелились. Высекли огонь. Все оказались на месте, только Ильг не было, а там, где она спала, растеклась по земле кровавая лужа. Первым заговорил Слэк:

– Туда ей и дорога, волчице старой, что таких двух безмозглых ублюдков родила. Вы что, очумели – на упыря кидаться? Слыхано ли дело – на живого упыря! Да вас за это...

– Ты, Слэк, – перебил его Орми, – иди вон лужу подлижи, пока не впиталась. А закусить своими ушами можешь.

Побранились еще немного – и легли досыпать. Утром Энки сказал брату:

– Напрасно ты, Орми, на упыря кинулся. Выдал нас. Найдется в племени кто поумнее – догадается, кто мы такие.

– А ты, брат, не струсил ли ночью?

Энки усмехнулся:

– Как не струсить. Ну да ладно. В другой раз встретим упыря – я первый в бой кинусь. Ты за мной и не угонишься. А так... ты уж прости меня.

Кулу, как узнал о случившемся, велел привести к нему Орми и Энки. Посмотрел на них хмуро и приказал:

– Говорите.

– Что говорить?

Кулу засопел и сказал негромко, как будто сам себе:

– Обоих живьем съем.

Тогда Орми начал:

– Ночью просыпаюсь, чую – упырь в землянке. Ну, сперва-то я замер, испугался. А потом, когда он мать...

– Удаль на нас нашла, вождь, – заговорил вдруг Энки. – Захотелось себя испытать. Чего, думаем, не попробовать сразиться с упырем? А ну как одолеем – всякий тогда признает нашу силу!

– Ты что ж, Энки, на мое место позарился? – Кулу усмехнулся. – Ладно, за это наказывать не буду. Прибыю просто, только сунься. А спрашиваю я вот о чем. Как посмели на упыря руку поднять?

– А что? Упырь – тварь земная, по земле ходит, кровь пьет, как и мы. Почему его не убить?

Теперь Кулу надолго замолчал. Стоит, то на одного брата взглянет исподлюбья, то на другого. Наконец сказал:

– Слушайте, вы, черви смрадные! Один раз говорю – в другой самих себя съесть заставлю. Упырь – творение Улле, поставлен над нами, чтоб мы знали свое место.

Хозяин упырю велел у людишек кровь сосать, а нам, завидев его, обмирать от страха и под себя гадить. Кто этот закон нарушает – на Улле поднимает руку. А чтоб вы лучше запомнили, завтра прикажу рядом с Хозяином деревянного упыря поставить. Три дня будете его поить своей кровью и ползать перед ним на брюхе в дерьме. Я сказал.

– Ясно, – вздохнул Орми. – А почему, вождь, так повелось, что упырь вроде как выше человека и к Хозяину ближе?

– Да потому, тупая твоя башка, что упырь смердит еще больше, чем мы. Пошли прочь.

Орми и Энки поспешно удалились с глаз вождя и весь день пребывали в сомнениях и страха. Энки сказал:

– Ты, брат, запомни слова Кулу. Все верно. Улле хочет весь наш вонючий мир превратить в одну большую кучу дерьма. Потому и заведено: кто больше смердит, тот и главный.

Деревянного упыря забыли, однако, поставить. Вечером Барг приволок с болота на спине человека. Швырнул его на землю посреди селения и заорал:

– А ну, глядите, кого поймал!

Ядозубы сбежались.

– Чего орать-то? – сказал Уги косматый. – Добыча неказиста. Старикан худющий. Костей мешок.

Барг тогда схватил старика за левую руку, вывернул ладонью вверх и ткнул Уги в нос:

– А это видел? Отметины-то нету? Это ж болотный выродок! Сколько лет не могли его поймать!

– Хороша добыча, – сказал Кулу. – Привяжи его к дереву, Барг, да прикрой шкурой, чтоб комары за ночь всю кровь не высосали, нам оставили. А утром и сами позабавимся, и Хозяина потешим.

Туча небесная почернела, накрыла тьмой землю. Ядозубы повалились спать, а Орми не спится. Вылез из норы, пробрался на ощупь к дереву, где старика привязали, встал, прислушался. Вроде дышит старик.

– Эй, ты, слышь, как тебя? Жив, что ли? – Орми говорил тихо, чтобы не разбудить своих и не привлечь ненароком какую-нибудь ночную нечисть. Старик молчал, хотя по дыханию ясно было – не спит.

– Чего не отвечаешь? Я же слышу, ты живой.

– О чем нам с тобой говорить, людоед? – Голос был глух, слова неразборчивы, видно, не много зубов осталось у старика.

– Ты болотный выродок?

– Не выродки мы. Люди. Раньше меченых не было. Вы сами и есть выродки.

– Слушай, старик. Я тебя отпущу. Сейчас ремни перережу, и уйдешь.

Старик зашевелился, застонал.

– Так ты не людоед?

– Я твой сын, наверное. Илыг – моя мать. Упырь ее убил вчера. Ты моему брату, Энки, шкуру со знаками дал.

Старик молчал долго.

– Вот оно что. Как же тебя звать?

– Орми. Ну, хватит разговоров. Ночи теперь короткие, а тебе до рассвета нужно подальше уйти. – Орми нащупал ремень, хотел его перерезать, да старик не дал.

– Не надо, Орми. У меня ж все кости переломаны. Я и ползти-то не могу. Скажи, вы знаки разобрали?

– Нет, отец. Не смогли. Ты мне разгадку-то открой.

Старик опять долго молчал, видно, собирался с силами.

– В том и беда, Орми, что я не знаю разгадки. И отец мой не знал. Знаки хранили, переносили со шкуры на шкуру, а сами не понимали ничего.

– Отец, я все-таки ремни перережу. – Орми взмахнул ножом раз, другой, и старик грохнулся на мох. – Взвалю тебя на плечи и унесу в горы. Там тебя вылечу. Вместе и знаки разгадаем. Энки с нами пойдет.

– Поздно, – прохрипел старик. – Гляди, светает уже.

Небесная хмарь и впрямь посветлела на востоке. Сквозь чахлый лесок Орми увидел: из одной землянки уже вылезает кто-то. Орми припал к земле, спрятался за сосновый ствол и шепотом спросил:

– Скажи, отец, что мы делать-то должны? Зачем мы, выродки, живем, кому служим?

– Мы – Имира дети. Имиру служим.

– Кто такой Имир?

– Точно не скажу, чтобы не соврать. Но три вещи знаю. Улле он враг. Живет по ту сторону неба. Ныне на земле не имеет силы. Орми! Уходи скорей, прячься. Идут сюда.

– Ну, прощай, отец. Эта гниль над тобой потешаться не будет. Прими от меня благую смерть!

Орми перерезал старику горло, прошептал: «К Имиру уходи!», утер слезу, чего с детства сопливого не бывало, и нырнул в молодой ельник. Потом обошел селение крутом и попал на поляну Улле.

Охватил тогда Орми гнев. Вырвал он с корнем сухую елочку – ствол в руку толщиной, – обломал сучки, подбежал к истукану, уперся в него комлем и давай валить идола! Тот уже начал подаваться, как вдруг повернулась одна из голов деревянного чудища, приоткрыла костяную пасть и уставилась на Орми пустыми глазницами. И в тот же миг Орми услышал у себя в голове страшный холодный голос. Он говорил непонятные слова:

– Драблатугур, бугургыз, клаклар.

Орми потрянул головой, стиснул зубы и налег изо всей силы на шест. Идол рухнул, палки и кости рассыпались по земле. И наваждение сразу исчезло.

– Кто там? Стой!

Барг вышел из-за деревьев на другой стороне поляны. Орми бросился в лес, да поздно: Барг узнал его.

– Выродок! Орми! Стой, змееныш!

Орми продрался сквозь чащу, нырнул в землянку, схватил Энки за руку и потащил к выходу. Слэк проснулся и крикнул:

– Эй, вы! Куда в такую рань помчались? На упырей охотиться? Заставит вас Кулу дерьмо жрать!

– Иди Улле зад полижи. Я б еще поговорил с тобой, кабы клопы тебе гу не отгрызли!

Выскочили братья наружу – и в лес. Миновали ельник – а сзади уже слышно погоню. Вышли к болоту. Там братья знали верную тропку и далеко опередили людоедов. Пока ядозубы барахтались в болотной жиже, Энки и Орми успели высоко подняться по склону. Тут в ущельях и трещинах было где спрятаться. Братья залезли в потайную пещерку – вход в нее закрывали кусты, – легли на мокрую землю и отдышались. Долго молчали.

– Что теперь делать будем? – спросил Орми. – Обрато к ядозубам нельзя. Энки ответил не сразу.

– Жить как-то надо. Найдем место подальше от людей, построим жилье. Ты объясни, как вышло, что нас распознали?

Орми рассказал:

– Узнал я одну тайну. Мне ее отец перед смертью открыл. Нашего повелителя Имиром звать, а живет он по ту сторону неба. Как бы нам туда перебраться?

Энки задумался и, помолчав, сказал:

– Я видел, небо порой ложится на горы. Бывает, спустится совсем низко. Может, горы тогда его протыкают? Давай поднимемся на кряж, выберем высокую гору и залезем на вершину.

– Ловко придумал! Пойдем. Только бы Имира увидеть. Тогда и шкуру разгадаем, и, может быть, узнаем, что мы должны делать на земле.

Глава 2

ИМИР НАД НЕБОМ

Три дня поднимались на кряж. Холодно там было, даром что лето. Но и небо вроде ближе стало. На четвертый день увидели снежные горы. Вершины упирались в небо. Отсюда было видно всю страну Мару: голые скалы, глубокие ущелья, а позади, внизу, широкой полосой у подножия гор протянулся лес, земля людоедов. С юга подступали к лесу Мертвые земли.

– До неба путь неблизкий, – сказал Энки. – Там, наверху, добычи не будет. Надо едой запастись.

Ядозуб без оружия шагу не ступит; были у братьев с собой и луки, и ножи, и копья. Много дней они лазали по ущельям, сидели в засадах – все не было крупной добычи. Пришлось спуститься обратно к болоту. Однажды остановились на ночлег в зарослях вереска. Земля там в одном месте была вскопана, кругом валялись камни и выдернутый багульник.

– Странное дело, – сказал Энки. – Кто здесь копал? Багульник пахучий, будь он неладен, все запахи отбил, ничего не разберешь.

– Может, медведь искал съедобные корешки?

Развели огонь, испекли щуку, что Энки днем поймал в озерке. Стемнело. Костер освещал ближние деревья и подножие скалы. Вдруг земля, где вскопано было, зашевелилась, поднялась бугром, и между комьев что-то забелело. А потом из-под земли вылезла голова. На голом черепе – лохмотья бурой, сухой кожи. Зубы мелкие, острые, торчат вперед. Хуже всего – глаза. Мутные, студенистые. Полужидкая гниль. Казалось, вот-вот выльются из глазниц. Энки вскочил.

– Ну, брат, теперь я свое обещание выполняю, – и с копьём бросился на упыря. Было до него всего шагов двадцать, а не успел добежать. Упырь выпростал из-под земли обе руки, уперся и выполз весь, как червь из норы – скользкий, жирный. Увернулся от копья и хват зубами за древко – только щепки полетели. В руках у Энки осталась одна короткая палка. Упырь прыгнул, повалил Энки и впился в горло.

Орми тоже не зевал. Выхватил из костра головню и ткнул со всей силы упырю в бок. Зашипело, завоняло, повалил едкий дым. Упырь выпустил добычу, пискляво взвыл и кинулся наутек. Из прожженного бока вывалилась какая-то дрянь, зацепилась за кусты. Орми догнал его, замахнулся головней – тут упырь нагнулся и стал землю рыть. Мох, корни и песок с камнями полетели Орми в лицо. Он замешкался на миг, а когда протер глаза, упыря уже и след простыл. Только рыхлая земля еще чуть вздрагивала.

– Быстро, гад, закапывается!

Орми повернулся к брату. Тот сидел на камне, держась за горло, а из-под пальцев сочилась кровь.

– Гляди-ка, отбились от упыря. Теперь будем знать, чего они боятся. Огнем их жечь надо, тварей смрадных!

Энки поднял глаза и сказал хрипло:

– Ты, брат, ничего странного не заметил?

– Нет, а что?

– А то, что у него на шее было ожерелье из гадючьих зубов. Слепой ты, дурень. Он же из наших – ядозуб. Значит, верно говорят, что людоеды после смерти в упырей превращаются. Может, и мы скоро такими станем.

Рана у Энки зажила быстро. На другой день братья свалили лося. Сплели короба, набили мясом, повесили на спины и полезли снова в горы. Лосиную шкуру тоже прихватили – спать на снегу. День идут, другой, третий. Карабкаются на скалы, перелезают трещины, обходят пропа-

сти. А небо все ближе. На шестой день в расщелинах стал попадаться снег. Тогда братья вместо мяса, что съели, положили в короба сухих сучьев. Выше дров не найдешь.

На девятый день помутнел взгляд у Энки.

– Орми, слышь... Неладно со мной. Я башку почесал – горсть волос осталась в руке, а на черепе плешь. Во рту ломит, словно все зубы хотят из челюстей вырваться.

Орми посмотрел на брата – видит, и впрямь дело плохо. Лицо бледное, глаза из серых стали бурыми, смотрят безумно.

– Держись, Энки. Это, наверное, упыриный яд попал тебе в рану. До неба уже близко, увидим Имира – он нас спасет, научит, что делать.

На двенадцатый день добрались наконец до неба. Братьев окутал серый туман. На пять шагов ничего не видать. Шли теперь совсем медленно. Вечером, как Энки заснул, Орми пригляделся к брату и увидел: на правой руке у Энки выросли белые когти. Из рта высунулись острые зубы. И смрад от него – не сильно пока, но заметно. Орми все понял. Взял нож, нарезал ремней из лосиной шкуры и быстро связал брату руки и ноги, тот и опомниться не успел.

– Ты что, тварь, делаешь? – Энки говорил теперь с присвистом, голоса не узнать.

– Слушай меня, Энки. Я тебе зла не хочу. Ты от упырино укуса сам начал превращаться в упыря. Пощупай зубы языком, если не веришь. Я тебя потащу на спине. А ты, пока я буду тебя нести, врагу не сдавайся. Призывай Имира, гони Улле из мыслей.

Поволок Орми брата на спине. Мясо почти все пришлось бросить, а дрова и подавно. Энки теперь мяса есть не мог. Шипел, плевался, просил крови.

Под ногами был только снег – скользкий, плотный. Ветер дул день и ночь. А мгла над головой и вокруг с каждым днем становилась светлее.

Энки, лежа на спине у брата, стал щелкать зубами, вертеть головой, тянуться к шее. Пришлось заткнуть ему рот обрывком шкуры и завязать ремнем. А смердело уже вовсю. У Орми от вони голова шла кругом, спотыкался на каждом шагу.

И вдруг – вершина. Голый камень торчит из снега. И куда ни пойти – везде путь только вниз. А туман, хоть и стал совсем прозрачным и видно в нем далеко, так и не кончился. Орми опустил брата на камень, сам без сил упал рядом.

– Где же ты, Имир? Не добраться до тебя! Нет пути на ту сторону неба! Отзовись! Не дай детям своим погибнуть!

Но Имир молчал. Улле зато отозвался. Снова у Орми в голове зазвучал холодный голос:

– Бхратарлык, грагугун.

Орми вскочил, взмахнул ножом и заорал во всю глотку:

– Выходи, червь трусливый! Где ты? Сразись со мной, падаль! Кишки тебе выпущу, гу оторву!

Голос смолк. Стих и ветер. И вокруг все посветлело. Орми посмотрел вверх и увидел в белесой мгле над головой светлый, огненный круг.

– Имир! Разгони тучу, дай увидеть твоё лицо! – сказал и сразу понял: не разгонит Имир тучу, не он на земле хозяин. Орми бросился к брату, повернул его лицом к светлому кругу. – Смотри, Энки! Смотри, упырь проклятый! Имир над небом! Услышал нас, пришел! Да смотри же!

Энки открыл глаза, посмотрел на сияние. И тут же его облик стал преображаться. Зубы втянулись на место, на щеках появился слабый румянец, глаза посветлели. Орми развязал ему рот. А у Энки на глазах слезы.

– Как же ты, братец... Меня, поганого упыря, волок на спине, не убил, не бросил...

Орми разрезал ремни на ногах и руках. Энки потряхнул правой рукой – и когти с нее осыпались. На левой-то руке у него кисти не было.

Стоят братья рядом на вершине, смотрят на огненный круг. Энки спохватился первым:

– Шкура! Шкуру снимай! Сейчас знаки прочтем, пока сияние не погасло!

Орми сбросил с плеч шкуру, расстелил на камне. Оба уткнулись в нее носами. Свет от огненного круга упал на знаки. И они ожили! Запели все разом, зазвенели на двадцать пять голосов. Чудо длилось всего один миг, но голоса всех знаков навек остались в памяти братьев. И тут же снова подул холодный ветер, мгла сгустилась, сияние исчезло.

– Орми! Ты слышал, как знаки заговорили?

– Слышал! Запомнил! Теперь все смогу прочесть!

– И я смогу!

– Ты, брат, погоди. Спешить больше некуда. Отдохнем немного, поедим. Ты ж дней пять или шесть не ел.

Спустились до первого ущелья. А спускаться со снежной горы – не вверх карабкаться, сел и катись. Спрятались от ветра, съели остатки мяса, отдышались. Потом расстелили шкуру и стали читать. Были на шкуре такие слова:

«Имя мое Веор. Смерть близка, и некому мне передать знание дедов. Потому я пишу все, что узнал от отца, на этой волчьей шкуре соком ягоды нэр. Спрячу ее здесь, в пещере, в последнем моем пристанище. Долго скрывалась наша семья – последняя семья детей Имира, ныне называемых вырожденками, – в болотах и ущельях страны Мару, в Крайних землях. Нас выследили лютые гуганяне, губители жизни из-за Стены, проклятое воинство Улле. Теперь все мертвы; я один укрылся в этой пещере, и убийцы идут по следу.

Друг, нашедший шкуру! Сохрани ее и передай другому сыну Имира, если сможешь! От людоедов, гуганян, менхуров – береги. А пуще всего – от тех, кто обитает в стране Марбе, на краю Предельных гор и Ледяной пустыни.

В давние дни миром правил Имир. Он был миром, и мир был им. Плоть Имира – слово. По слову Имира был создан человек, чтобы слушать его, искать его, по крупицам собирать его на земле. Люди тогда рождались дважды. Первый раз – веселиться и петь в долинах, полных цветов; поумнев, рождались снова – слушать звезды, постигать тайну Имира. Рожденные дважды назывались Светлыми, ибо были светлы духом и в свете черпали силу. Их взор проникал повсюду, даже время не было для них преградой. Видели они и грядущее, ибо были детьми этого мира, плоть от плоти его; ради них он был создан и в них воплотился; и они внимали Слову, льющемуся с небес. Только зла не могли они увидеть, потому что зло – нездешняя сила. Исстари не было в мире зла, оно явилось снаружи.

В день, когда Улле пришел на землю, задрожали горы и грядущее рассыпалось в прах. Отныне Светлые не видели ничего. Улле спустился с неба в долину Иггир, что в самом сердце Предельных гор. Теперь те места называют Темной землей. Туда нет хода никому из живущих.

Три страшных дня и три роковые ночи Улле сражался с Имиром на земле – и одержал победу.

В первый день почернели ладони у всех людей на два дня пути от Предельных гор. В их разум вселился Улле, и они больше не были теми, за кого принимали их старики. Их мысли стали невидимы для Светлых, доселе видевших и знавших все сущее в мире. Поистине, сам Имир не знал своего врага!

Эти оборотни, слуги Улле в обличье людей, собрались в горах к западу от долины Иггир во второй день войны. Говорят, будто зло, вошедшее в них, с такой яростью рвалось наружу, что прекрасные тела людей искажались и плавились, как воск. Кто-то покрылся жесткой щетиной или костяной чешуей, у кого-то выросли бивни, как у мамонтов, другие пошли пятнами, черными, зелеными и белыми, а были и такие чудища, что и рассказать нельзя, и подумать, оставшись собой, не распахнув двери своего разума для Врага.

На третий день несметное воинство чудищ ворвалось в заповедную долину Эар, обитель Светлых. В исчадиях Улле совсем не осталось плоти и духа Имира, и Светлые увидели лишь мелькание зыбких, призрачных теней. Тени несли с собой смерть. Ножи и копья окрасились кровью Светлых. Но самым страшным оружием Врага было некое Слово. Улле взревел тыся-

чами глоток своих рабов; тысячи голосов прокричали Слово, несущее смерть. И Светлых не стало.

Серая мгла поднялась над горами и растеклась по небу. С тех пор мы не видим ни звезд, ни солнца, и голос Имира стал неслышен. Холодные ветры подули с севера, и следом за ними пришли льды. Они покрыли благоуханную страну Эмайн, сковали горы холодным сном и оставились лишь у южных окраин Марбе.

Все это мне поведал отец, а он узнал от своего отца, тот – от своего; мы старались сохранить рассказ таким, каким он прозвучал в первый раз, но смысл его для нас во многом темен.

Убийцы близко, я тороплюсь. Вот что мы узнали – самое важное.

То, что называется теперь небом, – не небо. Это гибельная туча, смертная мгла Улле. Небо голубое или черное, в нем движутся светила и звучат речи Имира. Солнце желтое, жаркое и светлое. Звезды далеки, их голос звонок.

Это наша земля, какой ее могла бы увидеть птица сквозь тучу, взлетев на тысячу миль. На юг и на север от гор Мару – леса, где живут людоеды. Этот край из всех – самый светлый, повсюду вокруг еще хуже. На юге до самого конца лежат Мертвые земли. Когда-то мы верили, что где-то там, в пустыне, есть Город Птиц. Нам никогда не узнать правды, но все же каждый год весной из-за Мертвых земель прилетают живые птицы.

На востоке страна Каар-Гун – бескрайняя топь, где у людей меняются лица и души, страна Клыкачей, где сгнившее время тяжелыми пузырями поднимается со дна трясины. Дальше к востоку и северу все залито соленой водой; старики называют этот край морем.

За Великой Стеной на севере – страна Гуган. Люди там не едят друг друга, потому что это для них слишком просто. В черном граде Уркисе они предаются радостям более тонким; Улле не спешит пожрать сам себя; он погибнет лишь вместе с миром, а гибель мира начинается в Гугане. Гуганяне во власти своих мертвецов. Ни жить, ни умереть они не могут по своей воле. Смерть для них – работа. Потом они становятся марбианами или менхурами. У менхуров могучий разум, но в их телах нет духа, они не ощущают себя и не знают, что существуют. Марбиане всевластны, бесплотны и непостижимы, они скитаются по телам и оживают где хотят. Марбиане – вершина творения Улле, в них его черный дух и черная воля. Их царство в стране Марбе, их тайная сила в ледяном граде Дуль-Куге, к северу от Гугана, у подножий Предельных гор. На этом месте в давние дни цвела благоуханная долина Эар; теперь она подо льдом и мертва навеки.

В самом сердце Предельных гор есть глубокое ущелье, подобное воронке с гладкими склонами и озером на дне; это место когда-то звалось долиной Иггир, теперь его зовут Темной землей. Посреди озера – остров, называемый Кумме. Там сердце Улле, туда он низвергся, подобный лучу мрака, из неведомой бездны; с тех пор минуло триста зим. Из тех, кто ходил в Темную землю, никто не вернулся. И все же для того, кто осмелился бросить вызов Губителю, нет иного пути, нет иной цели; куда бы ни шел он, судьба приведет его в долину Иггир. Мрак, покрывающий землю, исходит оттуда.

Старики говорили, что в горах вокруг долины когда-то встречались дварги, странные существа, полулюди-полукамни. Их родина в Темной земле; у них мутный взор и пустота в сердце; они живы только силой Губителя, выползая из долины, они быстро мертвеют. И все же в их душах нет зла – они могут помочь.

По ту сторону Предельных гор в Ледяной пустыне живут снежные великаны, помнящие Имира. Они спускались в Темную землю; они поставили в круг большие камни на острове Кумме. В этих камнях есть некая сила. Камни могут помочь.

О дети Имира! В этом мире для нас нет места, поэтому нам суждено или исчезнуть, или разрушить мир, сделав его снова таким, как прежде. Имир жив; пусть же надежда не умрет прежде нас.

Мой отец перед смертью сказал: я знаю, сын мой, власть тьмы не будет длиться вечно. Настанет день, и родятся люди, которые сделают то, что не сделали мы. Их будет мало, этих людей, и они будут долго блуждать во мраке, пока судьба не сведет их вместе. Поверь мне, я вижу их лица. Собравшись, они пойдут на север двумя путями и если не ошибутся ни разу, то обретут силу. Эта сила будет столь велика, что даже демоны из Марбе не смогут совладать с ними.

– Что же это за сила? – спросил я, но ответ отца был темен, как та тень, что уже склонилась над ним:

– Это сила гибнущей Земли, сын мой, и сила сокрытого от нас неба; смертоносное детище мертвых песков юга и звезда Имира в мозгу чудовища.

Конечно, то был лишь бред умирающего; все же я записал его слово в слово: как знать, не открылось ли и вправду отцу нечто важное на краю миров? О звезде Имира я слышал не раз: это было величайшее сокровище Светлых; но никто не знает, что случилось с ним после прихода Улле.

Я записал все, что знал. Да не встречу я Улле по ту сторону жизни! Впереди – пустота». Рассказ оборвался. Энки и Орми долго молчали. Наконец Энки сказал:

– Узнали мы много, а еще больше появилось новых тайн. Все разгадать – жизни не хватит.

– Сияние, что мы видели на горе, – сказал Орми. – Что это было? Звезда, светило или солнце? Или все же сам Имир явил нам свой лик?

– Больше всего похоже на солнце. Желтое, жаркое и светлое, так ведь? Да нам-то все равно, каким словом невиданные чудеса называть. Эти слова для нас ничего не значат, а чудес по ту сторону неба много.

– Не неба – гибельной тучи.

– Тучи. Давай вот что решим, Орми. У нас теперь есть два пути. Найти безлюдное место, где много добычи, и жить спокойно, дожидаясь благой смерти. Или идти с Улле сражаться.

Орми усмехнулся.

– А то мы с ним не воюем. В первом бою с нами была удача; глядишь, и впредь так будет. Чего бояться? Кроме жизни несчастной, терять нам нечего. Сразимся, пожалуй, с Улле. Имир нам поможет. Вот только знать бы, как взяться за дело.

– А об этом шкура сказала. Пойдем на север, будем пробираться в долину Иггир, к сердцу Хозяина. Если Веор не врет, другого пути для нас нет. Может, по дороге мы встретим еще таких же, как мы, выроdkов, и оружие это найдем – чудо-звезду и какую-то дрянь из Мертвых земель. Только надо ни разу не ошибиться.

– Ты веришь во все это?

– Что болтать попусту: веришь – не веришь. Мы ведь ничего не знаем, кроме того, что сказала шкура, да и из этих слов половину не поняли. Так что выбора нет.

– Ладно, пойдем спустимся с гор, там посмотрим. Может, нас и впрямь судьба сама приведет куда надо. Только вот как ни разу не ошибиться?

– Не знаю, – сказал Энки, помолчав. – Но мы уж постараемся. Значит, на север?

– Ну да. Где мы сейчас?

– Здесь, – Энки ткнул пальцем в рисунок – горы Мару. А вот долина Иггир. Пойдем не спеша, торопиться некуда. Слушать будем, смотреть, нюхать. Как на охоте – сам знаешь, пока не найдешь верный след, как ни бегай, зверя не добудешь.

Пошли они вниз, перевалив через горы. По другую сторону хребта путь оказался тяжелей. Отвесные утесы, трещины, пропасти. На второй день туча поднялась, и братья вышли из тумана. На четвертый день подстрелили козла.

Впереди ничего, кроме новых пиков и ущелий, долго не было видно. Встречный северный ветер крепчал и становился все холоднее. Короткое лето кончилось, небесная мгла сгусти-

лась. По ночам уже трещали морозы. Благо дров теперь было в достатке, вечные снега остались позади.

Наконец братья поднялись на последний кряж и увидели северную страну. Вдоль подножия Мару тянулась полоса леса – низкие чахлые елки, светлые пятна болот. За лесом поднималась каменная стена – черная, неприступная, с высокими башнями. Ни на востоке, ни на западе не было ей конца. За стеной до горизонта простиралась равнина, чернела лента большой реки.

– За этой стеной, должно быть, Гуган, – сказал Энки. – Там гуганяне живут, те, что за Веором гнались, – губители жизни из-за стены. Знать бы, что за твари.

– Где же Предельные горы?

– Там, за горизонтом – больше им быть негде. Да ты не печалься, дойдем потихоньку.

Спустились в лес. Тут и снег пошел. Враз все посерело, ели опустили отяжелевшие ветки. Братья шли по лесу до самой ночи. Не встретили ни людей, ни других двуногих тварей. Только раз или два видели упыриный след да взрытую землю.

На другой день нашли в ельнике странные, невиданные следы. Размером и очертаниями они походили на человечьи, но без пальцев, и пятка от ступни отделялась резким, крутым изломом. Две твари здесь прошли, одна побольше, другая – вроде подросток. Двуногие.

– Что еще за нечисть тут бродит? – пробормотал Энки. Орми присел, понюхал след.

– Похоже на кабана, но и человеком пахнет. Запах совсем не страшный.

Шли еще два дня. Видели следы мамонта, волка, болотной кынды. Однажды услышали впереди шум – голоса людей, топот. Потом разглядели за деревьями большую толпу – человек сто, не меньше, и шагали они на восток, братьям наперерез. Орми и Энки подкрались поближе, притаились в кустах, наострили уши.

Хриплый голос выкрикивал команды:

– Не отставать! Шире шаг! Кто отстанет – кишки выпущу!

Кто-то вполголоса спрашивал:

– Далеко еще?

И ему отвечали, тоже вполголоса:

– Миль пятнадцать-двадцать до ворот. Вечером будем в Гугане.

– Молчать! – орал хриплый. – Всех без жратвы оставляю!

Отряд приблизился – Орми и Энки от удивления разинули рты. Таких людей им встречать не доводилось. Одеты они были, как водится, в шкуры, но в какие шкуры! Не обмотанные кое-как вокруг тела и схваченные ремнями, а ладно пригнанные – как будто сами люди обросли густым мехом. Ни руки голые не торчали, ни ноги. И на головах было что-то такое меховое, с завязками, на ногах – вообще невесть что, вроде кабаньей кожи. Чужеземцы несли луки, колчаны и огромные ножи из неведомого серого камня – длинные, прямые и гладкие, без единой зазубрины.

– Вот они какие, гуганяне, – прошептал Орми. – Эх, нам бы такие шкуры!

За гуганянами брели людоеды – два или три десятка. Они тащили по снегу на длинных ремнях огромный, невиданный предмет. Внизу у него что-то крутилось и мелькало, сверху возвышалась серая нелепая громада.

– Тяжеленная штука, – сказал с удивлением Орми. – А как легко ее тащат!

– Я понял! Видишь, эти круглые... что крутятся. Они-то все и везут. Ловко придумано!

Следом за людоедами и чудесным предметом опять шагали вооруженные гуганяне. Замыкал шествие мамонт. На спине у него качалось что-то вроде домика, и оттуда выглядывали головы воинов и торчали копыта.

Отряд давно уже прошел мимо, а Орми и Энки все лежали в снегу и от изумления не могли ни шевельнуться, ни слова сказать.

– Велик мир, – вымолвил наконец Энки. – И ничего-то мы о нем не знаем. Пойдем, однако, дальше. Чего в снегу валяться?

Братья поднялись и вышли на тропу, протоптанную отрядом.

– По тропе легко шагать, – сказал Орми. – Не пойти ли нам по ней на запад? Прямо пойдём – в стену упрёмся, на восток – попадём к воротам и в Гуган, а туда нам соваться не след. За своих не примут.

– И то верно. Пойдём на запад, заодно узнаем, что гуганяне делали в лесу.

Пошли на запад. Полдня идут – лес на глазах меняется. Деревья все мертвые, голые. Свежий снег усыпан хвоей. Кругом лежат дохлые белки. В воздухе – ядовитый смрад.

– Злые места, – говорит Орми. – Не вернуться ли нам?

– Гуганяне-то прошли здесь и не померли.

– Темнеет уже. Вернемся, где лес живой, переночуем. Завтра виднее будет.

Наутро опять вошли в мертвый лес. Скоро тропа привела их к селению. Костяные дома, крытые шкурами, и землянки – обычное людоедское жильё. Братья подошли ближе. Вдруг видят – мертвец на тропе. Синее лицо, вспухшие жилы. За ним – еще один такой же, а дальше, вокруг домов, – сплошь трупы на снегу.

– Не трогай ничего, Орми. Эти люди погибли от яда. Наверное, снег отравленный выпал.

Снег и вправду был нехороший, желтоватый. Братья медленно брели между мертвецами. Вдруг один пошевелился.

– Смотри, Орми. Вон людоед еще живой.

Подошли. Человек открыл глаза, увидел их, оскалился:

– Явились... Гниль! Ухоеды вшивые. Повезло вам. Жрите нас теперь, ублюдки.

Орми нагнулся было к незнакомцу, но Энки его остановил:

– Не трогай! Отрава кругом.

– Чего испугались? Какая отрава? Жри, не бойся.

– Если не отрава, отчего вы все перемерли?

– Так... Улле пришел. Всех костогрызов к себе забрал. Не трись, ухоед. Сожри хоть меня одного, пока во мне кровь не застыла.

– Мы не ухоеды, – сказал Энки. – Мы пришли из-за гор. И человечину не жрем.

– Жаль... А я-то думал, сейчас ухоедов гуганским ядом попотчую.

– Тебе помирать скоро, – сказал Орми. – А ты все о злодействах печешься.

Костогрыз скривил рожу, удивленно поднял брови.

– Кто ж вы такие?

– Мы дети Имира, ведем с Улле войну.

– Ух! – Людоед попытался привстать, да не смог. – Выродки?

– Выродки. Расскажи, что у вас случилось.

– Из-за вас все... Твари зловонные! Ненавижу! – Глаза костогрыза пылали огнем, лицо перекошилось от злобы.

– Брось. Мы только что с гор спустились и невиновны в вашей гибели. Расскажи, как было дело. Может, мы тогда и отомстим за тебя гуганянам.

Костогрыз перевел дух, полежал немного неподвижно, потом собрался с силами и сказал:

– Третьего дня пришли гуганяне. Окружили нас. Да мы и не рыпались. Куда... против железа и пушек.

– Железо? Пушки? Что за слова такие? – встрял было Орми, но Энки на него цыкнул:

– погоди ты! Он, того гляди, помрет, не успеет рассказать.

Людоед ухмыльнулся.

– Не слыхали о пушках за горами? Ничего, узнаете...

– Ты продолжай.

– Похватили нас и давай пытать: не видали ли мы двух выродков. Они у гуганян в клетке жили, сбежали, перебрались через стену в лес. Пытали нас, пытали, ничего не добились. Уж мы бы сказали! Да что тут скажешь, если мы их не видели! Тогда они взяли самых здоровых

мужиков – пушку тащить, самим-то неохота. Знамо дело, до дома доберутся, тут же всех и прикончат. А нас отпустили, только наказали: до утра из селения ни на шаг. Ушли. Мы сидим, не верим, что живы. Тут они и шарахнули по нам из леса. Снаряд был с ядовитым дымом. Это, слышь, новое оружие. Раньше такого не было. Раньше-то, бывало, придут гуганяне лес от людоедов чистить, начнут палить из пушек. А снаряды были с огнем и железом. Ну, на землю ляжешь, голову прикроешь – можно выжить. А от дыма не спасешься. Только я вот что-то никак не помру. Когда дым повалил, я упал и носом в какую-то шкуру уткнулся. Стал дышать через мех, казалось, так легче. Может, поэтому. Дурак! Надо было полную грудь набрать... Давно бы в пустоту ушел...

– Прикончить тебя?

Лицо у костогрыза уже посинело, из горла доносился один хрип.

– Вы... выродки... не хотите смотреть... как враг подыхает...

– Ты нам не враг, в пустоту уходи! – Энки проткнул костогрыза копьем и, повернувшись к Орми, сказал: – Пойдем, брат. Надо найти тех беглых выродков. Они ведь, наверное, неспроста убежали как раз сейчас и прямо нам навстречу. Может, это нам знак от Имира. Может, мы вместе должны идти на север.

– Похоже, что так, – сказал Орми. – Только где ж их искать?

– Помнишь следы у подножия гор?

– Точно! Ведь то были люди в гуганских обмотках... А выродки бежали из Гугана.

Двинулись обратно к горам. Свернули с гуганской тропы, отыскивали свои следы. По ним и пошли. Мороз стоял лютый, то и дело приходилось жечь костры, а холод все равно пробирал до печенок. Наконец добрались до тех следов. Только к ним теперь добавились еще три следа – поверх.

– Плохо дело, – сказал Энки. – Гуганяне идут за ними по пятам. Может, еще успеем на подмогу.

Побежали. Тропинка изрядно петляла и вела куда-то на восток, вдоль гор. Бежали до вечера. Вдруг увидели: впереди, между елей, мерцает костер. Подкрались неслышно. У костра сидели три воина. Угрюмые, бородатые мужики. Морды широкие, глаза как щели. Кутаются в свои чудные одежды, теснятся к огню и дрожат. Видно, не стойки к морозу. Рядом, у осины, лежали какие-то длинные ножи, луки и какая-то кривая, блестящая палка. Энки и Орми сняли с плеч луки, приладили стрелы, а сами прислушиваются к разговору.

– Домой бы сейчас, – вздохнул первый мужик. – Да на печь.

– Не скули, – отозвался второй. – Выродков поймаем – в золоте будем купаться.

– Поймаешь их!

– След совсем свежий. Завтра догоним.

Две стрелы пропели в воздухе, и два воина молча рухнули головами в огонь. Третий вскочил, схватил какой-то круглый плоский камень, закрылся им и шаст к дереву, где оружие. Орми выстрелил еще раз – стрела отскочила от камня.

– Я пойду на него, а ты заходи сзади, – шепнул Энки. И тут же прыгнул из кустов к костру с копьем в руке. Орми, не мешкая, стал пробираться через заросли кругом полянки. Гуганянин увидел Энки, схватил блестящую палку, поднял ее и направил тому прямо в грудь. А плоский камень бросил. Орми пустил стрелу и пронзил мужика насквозь. Тот покачнулся... и вдруг грянул гром. Из блестящей палки вырвалось пламя, в воздухе что-то свистнуло, и эхо трижды пророкотало в горах. Братьев охватил ужас, они упали в снег и замерли. Лежали долго. Наконец Энки подал голос:

– Ты живой?

– Живой.

Встали, огляделись. Три гуганянина лежали мертвые, а двое из них уже и зажариться успели. Братья сразу бросились к гуганскому оружию. Долго его рассматривали, нюхали, ощупывали.

– А ведь это не камень, – сказал Орми. – Должно быть, то самое железо, о котором костогрыз толковал.

– Добрые ножи. И луки получше наших. Да и стрелы.

– Узнать бы, как действует громовая палка.

– Брось ты ее... Это орудие Улле. Смердит оно страшно. А ножи возьмем.

– Давай и шкуры возьмем. В таких шкурах без огня можно зимовать!

И точно, одежда гуганян оказалась на диво теплой. Орми хотел было и обмотки навертеть, но передумал. Ноги только ломать. У гуганян в заплечных мешках нашлось и мясо. Братья долго принюхивались – не человечина ли? Пахло вроде не человеком – каким-то незнакомым зверем. Поели и двинулись дальше. След теперь снова был двойной: мужика и подростка.

На другой день к вечеру догнали беглецов на опушке у края болота. Мужик неподвижно лежал на снегу, а вокруг него хлопотала девчонка. Пыталась сложить костер. Завидев братьев, она вскочила, посмотрела на них необычным взглядом – долгим и спокойным. И улыбнулась. Глаза у нее были темные, большущие, волосы чернее ночи, а кожа совсем белая. Странная девчонка.

Братья подошли к ним, и Орми сказал:

– Ты что, не боишься нас?

– А разве надо бояться?

– Обличье у нас людоедское.

– Правда? Никогда не видела людоедов. А как вас зовут?

Братья назвали.

– А меня Эйле. – Девчонка опять было улыбнулась, но тут же, о чем-то вспомнив, нахмурилась. – Бату совсем обессилел. Его надо отогреть и накормить. А я никак с костром не справлюсь. Поможете?

– Что за дохляк мужик, – фыркнул Орми. – В таких-то одеждах замерзнуть. Покажи руку.

Эйле взглянула на него удивленно, протянула розовую ладонь. Метки не было. Энки высек огонь, костер запылал. Мужик пошевелился.

– Бесполезно... Дальше не пойду... Все равно погибнем.

Бату повернул голову и только теперь заметил братьев.

– Кто это, Эйле? Дикари?

– Друзья, – сказала Эйле.

Энки подтащил мужика поближе к огню. Тот застонал.

– Ты, дядька, не скули, – сказал Энки. – С нами не пропадешь. Жратва есть. От людей отойдем, зимовье построим. Лося убьем на мясо...

Девчонка у костра пригрелась, порозовела. Сидит, улыбается, глазищами хлопает. Энки и Орми, глядя на нее, чуть не хохочут.

– Откуда ж вы взялись такие? – спрашивает Орми.

– Кабы мы сами знали... – бормочет Бату. И снова молчат. Долго так сидели. Вдруг у Эйле румянец с лица сошел, глаза вывернулись белками наружу, рот приоткрылся. Орми вздрогнул.

– Ты что? Ты, часом, не упырица?

– Тихо! – Бату толкнул его локтем. – Слушай, что она скажет!

Девчонка, однако, молчала. Стемнело, снег пошел. Тихо было, только трещали в костре сосновые сучья, да с болота доносился тонкий писк упыря. И вдруг раздался голос – нет, множество голосов: нежные и грубые, тихие, пронзительные, теплые и ледяные... Они сменялись внезапно, от одних стыла кровь, другие согревали сердце. Орми и Энки не сразу догадались, что всеми голосами говорила одна лишь Эйле...

– Те, кто вдвоем... хратарган! поднимались на горы Мару... У-у-улле поклонимся, и-и-и-и! слышали Имира слово – придите!.. Дует ветер над миром... Граркугул. Он мглу не развеет, туча плывет... клаклар. Нет ей конца... Из храма врага бежавшие... Будут, будут смрадные выродки дерьмо жрать! Из черного града Уркиса... кровью захлебнетесь, ублюдки... Я жду вас!

Голоса смолкли, Эйле без сил лежала на снегу.

– Что это? Что это было? – Орми схватил Бату за грудки. – Говори!

– Пусти! Ты, как тебя... Орми. Оставь! Дай вздохнуть. – Бату перевел дух. – Почему мне знать. Второй раз уже с ней такое. У нее и спроси.

Эйле лежала неподвижно, сверкая белками глаз.

– Я смотрю, ты ничего не знаешь, – сказал Энки.

– А откуда? – сказал Бату. – Я родился в клетке и всю жизнь там прожил. Вот только семь дней, как попал в дикие земли.

– Чего не знаешь, можно умом понять, – возразил Орми. – Эйле говорила многими голосами. Один-то из них мне знаком. Тот ледяной, жуткий, что произнес неведомые злые слова. Улле голос.

Эйле вздрогнула, зрачки ее вернулись на место, замигала. И заговорила быстро-быстро:

– Зов этот снова... Вижу: в пещере, во тьме, во чреве горы, Старик лежит, борода как снег, ни жив ни мертв, сердце не бьется, дух его светел, бродит в толще скалы, летит над землей, слово для Эйле несет... Зовет нас, ждет. Идем мы, идем к тебе! Скорее, Бату, Энки, Орми! Он ждет нас!

Эйле вскочила, стоит озирается, взгляд безумный.

– Ты, Эйле, сядь, погоди, – говорит Энки. – Куда мы ночью в темноте пойдем? Расскажи толком, что за старик? Зачем он нас зовет? Где ты его увидела?

Эйле замерла, вздохнула, села; разум к ней вернулся; посмотрела устало на братьев и сказала:

– Я давно уже слышу его голос. И не могу ему противиться. Вот мы и идем на его зов, я и Бату.

– След ваш петляет, однако, – заметил Энки.

– Кроме меня, никто его не слышит, – продолжала Эйле. – Кто он – не знаю, но дух его силен и мудр, и Улле не может к нему подобраться. Он все о нас знает: что мы бежали из храма врага, из града Уркиса...

– И нас он тоже знает, – сказал Орми. – Подглядел, должно быть, как мы с братом поднимались на горы Мару... А слово Имира – вот оно, гляди. Знаки на шкуре.

Орми положил шкуру на снег; Эйле и Бату кинулись к ней и во все глаза уставились на знаки.

– Смотреть без толку... Нам Имир открыл тайну знаков на вершине горы. Мы вам расскажем.

– Какая уж тайна, – пробормотал Бату. – Грамоте-то мы обучены. Буквы корявые, но прочесть можно.

И начал вслух повторять Веоров рассказ, слово за словом. Братья в изумлении слушали, а Бату и Эйле, похоже, еще больше удивлялись – тому, что читали. Рассказ закончился. В ту ночь больше никто не вымолвил ни слова. Силы их оставили; заснули.

На другой день нашли под горой потайное местечко: маленькое ущелье, закрытое со всех сторон скалами. Энки сказал:

– Скоро ударят настоящие морозы. Дальше до весны идти нельзя, пропадем. Надо строить зимовье.

Нарубили железными мечами веток, прикрыли ущелье, сверху набросали снега. Оставили узкий лаз: самим вползать и дыму выходить. Управились быстро. Энки неподалеку нашел

мерзлого мамонтенка. Порубили на куски, притащили к зимовью; теперь можно до весны об охоте не думать.

Потянулись зимние дни. Люди почти не вылезали из норы: сидели у очага, жевали мясо, болтали о том о сем. Один раз пришел упырь, его закидали горящими головнями – больше не совался. Другой раз волки. От тех тоже отбились. А так-то зима проходила спокойно.

Орми и Энки рассказали попутчикам всю свою жизнь; теперь настал их черед. Бату был мужик молчаливый, из него лишнего слова не вытянешь. Пришлось говорить девчонке. Вот что она рассказала.

Глава 3

В КЛЕТКЕ

Эйле не знала, где родилась, и матери своей не помнила. Помнила только каменные стены, железную дверь и окошко под потолком. В окошко был виден кусочек неба. В этом каменном жилье она и росла. Железная дверь один раз в день открывалась, и входила женщина. Звали ее Грага. Эйле ее любила. Грага заменяла ей и мать, и всех людей, и всех живых тварей. Кроме нее, Эйле до минувшего лета никого не видела. Появлялась Грага всегда в серых одеждах, от нее пахло чистотой.

– Есть трава лен, – пояснила Эйле. – Из нее шьют одежду, как из шкур.

И Эйле была так же одета. В доме у нее – а Эйле не знала, что это клетка, и называла ее домом – всегда было тепло, хоть огонь и не горел. Она и не догадывалась, что снаружи бывает мороз. Грага приносила ей пищу, говорила с ней, отвечала на вопросы, но больше сама спрашивала. То камешков разных принесет и спросит у Эйле, какой ей больше нравится, то нарисует углем закорючку и говорит: придумай, что это такое. Девочке это нравилось. У нее самой, пока она была маленькая, вопросов почти не было, все казалось простым. Есть стены, лежанка, окно. Светлеет окно – день, потемнело – ночь. Есть дверь, и есть Грага. Ну, и еще есть она сама. Изредка Эйле видела в окне пролетающих птиц, но не удивлялась. Ведь окно умело делать день, ночь и сумерки, а если иногда в дневном окне мелькнет обрывок ночи, то что ж тут такого. Никакие звуки в клетку не проникали.

Но однажды Эйле ощутила за стенами дома пространство. Огромный, бесконечный простор. Это была не мысль и не догадка: просто внезапно появилось знание. Как будто открылись глаза. Эйле испугалась и поначалу ничего не сказала Граге. Думала, Грага будет смеяться над ней, а она и объяснить толком ничего не сможет. Но через несколько дней Эйле все же решилась заговорить с Грагой.

– Скажи, Грага, – спросила девочка, – куда ты пропадаешь, когда выходишь за дверь? Когда тебя здесь нет, есть ли ты где-то еще или ты каждый раз исчезаешь и снова рождаешься, как день и ночь?

Грага в тот раз промолчала, а на другой день пришла и сказала:

– Я отвечу на твой вчерашний вопрос, Эйле, но сначала объясни, почему он вдруг у тебя появился? Не слышала ли ты каких-нибудь голосов, кроме моего? Или, может быть, ты увидела что-то ночью, во сне?

Эйле попыталась рассказать, как знание пришло к ней неведомо откуда, как внезапно она поняла, что за стенами есть большой мир. Рассказала и про сны. А Эйле много чего повидала во сне, хоть и не могла найти слов, чтобы описать это. Ведь она знала совсем мало слов. Стена, пол, дверь, окно, день, ночь, еда, Грага. А по ночам ей являлись неведомые чудища, ледяные дворцы, люди, звери, города, горы... Эйле считала, что на самом деле ничего этого нет – так, выдумка, пустые мысли. Она была уверена, что Грага ее не поймет. Но она ошиблась.

– Хорошо, – сказала Грага, дослушав. – Теперь я отвечу на твой вопрос. Да, за этими стенами существует мир. В нем всего много: места, воздуха, людей, таких, как ты и я...

– Хочу туда! – закричала Эйле. – Почему ты раньше молчала? Почему я все время здесь, если мир такой большой? Выведи меня за дверь, я хочу его увидеть!

– Подожди. Слушай, Эйле, я желаю тебе только добра. Большой мир есть, но напрасно ты так туда рвешься. Он очень плох. Он несет страдания всем людям. Мы рождаемся лишь затем, чтобы провести в муках долгую, тяжкую жизнь, и только в смерти обретаем покой, превращаясь в ничто. Тебе повезло. Ты ничего не видела и не знаешь, кроме этих стен; они скрывают

тебя от злого мира. Твоя жизнь здесь не многим отличается от небытия, поэтому тебе почти незнакомы страдания.

– Как же так? Зачем тогда... Если мир так плох, почему он существует?

– Этого вопроса я не понимаю, девочка.

Грага ушла, а Эйле не знала, что и думать. В ту ночь она впервые услышала голоса. Они налетели со всех сторон, ворвались в мысли и завладели ее разумом. Наверное, уже тогда она стала говорить во сне этими чужими голосами.

Два голоса шли с севера, один – ледяной и жестокий, он говорил неведомые слова. Оттуда же прилетали речи странных, грустных существ. В них не было зла, только тоска и бессилие. Отовсюду летели голоса людей, полные боли, отчаяния и злобы. Эйле ничего не понимала, ей было плохо и страшно. Тогда она впервые узнала, как одинока.

А утром пришла Грага. Она привезла железную машину на колесах. Из машины тянулись железные нити, и у каждой на конце игла. Эйле взглянула на Грагу и не узнала ее: губы сжаты, в лице твердость, глаза безжалостные. Грага велела Эйле не двигаться и стала втыкать в ее тело иголки.

– Что ты со мной делаешь? – плакала Эйле. Ужасное преображение Граги приносило ей еще большую муку, чем боль от иголок.

– Так надо, – сказала Грага. – Терпи. День будешь сидеть с иголками, потом выну.

Эйле сидела с иголками, и слезы текли у нее по щекам, а Грага стояла рядом, не сводя с нее глаз. От боли у Эйле в голове словно что-то проснулось. Ей показалось, что стены стали прозрачными. Она увидела множество комнат. В одной из них – Бату, тоже весь в иголках. В других – разные люди, машины. Все, кроме Бату, как будто смотрели на Эйле сквозь стены. Их взгляд проникал ей прямо в душу... Она поняла: ее мысли и все, что она видит, по иголкам и нитям бежит в машину, а машина потом все расскажет тем людям. От этого стало еще страшнее. И тогда Грага, наверное, чтобы отвлечь ее от боли, стала рассказывать:

– Ты, Эйле, спрашивала, почему существует мир. Этого никому из людей не дано знать. Зато известно другое: то, что он существует, – величайшее несчастье для всех живых существ. В жизни нет ничего, кроме страданий. Но создатель мира, называемый Имиром, кто бы он ни был, всех превзошел коварством и хитростью. Он вселил в каждую тварь желание жить; ослепил их, чтобы они не замечали своих мук.

Так продолжалось долго. Живые твари плодились и постепенно становились все сложнее и разумнее. А ведь разум, не осененный истиной, лишь умножает муки живущего, отдаляя благую смерть. И Имир радовался, глядя на страдания своих безответных рабов.

Но настал наконец день избавления. С небес сошел Улле, спаситель мира. Плоть Улле – слово, глазами его не увидеть. Спаситель проник в мысли людей, чтобы открыть им истину; он и поныне живет в каждом из нас. Истина же такова, Эйле. Все сущее есть зло. Миру надлежит исчезнуть, обратиться в ничто, в пустоту. Тогда всем страданиям и самой жизни, злобной выдумке Имира, придет конец. И сделать это должен человек, потому что он больше всех тварей открыт речам Спасителя. Для того чтобы повернуть время вспять и уничтожить мир, человеку нужно до конца постичь весь замысел Имира. Нужно узнать все про каждую тварь, а их на земле тьма, и каждая оберегает свою жизнь, потому что все они одурманены Имиром. Как их спасти, освободить от мук? Как сделать, чтобы нигде до скончания века не возникла новая жизнь? Для того чтобы открыть все тайны и победить зло, Улле дал людям новый разум и научил нас, как постичь умом все секреты Имира. Этот новый разум называется логикой. Спаситель научил нас счету и числам, потому что без чисел нет истинного знания. Всему сущему Улле дал имена; потому теперь у каждой твари, у каждого свойства и действия есть свое имя. Раньше-то люди знали совсем мало слов и все похожее называли одинаково.

Сейчас каждому человеку с рождения дается новый разум, следующий законам Улле. В середину разума вложена маленькая искорка, называемая душой. Она порождает желания и зовет к действию. Душа – это частица Улле в каждом из нас.

В свершениях Улле на земле главная роль принадлежит человеку. Казалось бы, что нам стоит убить самих себя и сразу освободиться от всех страданий? Но мы так не поступаем. Ведь вместе с нами погибнет и Улле, а жизнь на земле останется. Вот почему мы терпим муки и продолжаем жить. Человек из всех тварей должен последним уйти в пустоту. Сначала нужно спасти остальных.

Сказав все это, Грага вынула из Эйле иголки и ушла, забрав машину. А Эйле с того дня стала сама не своя, день и ночь лежала в полусне, одолеваемая голосами и видениями. Иголками ее мучили постоянно. Но она не винила Грагу, понимая, что та действует не по своей воле. Спустя долгое время рассудок стал возвращаться к Эйле. Как только она снова смогла понимать человеческую речь, Грага принялась учить ее числам и чтению. Наука эта далась Эйле легко, хоть сердце к ней и не лежало. Потом Грага принесла толстые книги, и Эйле стала читать. В них говорилось о Гугане, о победах гуганян в борьбе с жизнью, о новых ядах и бомбах, о разных хитростях, как можно спастись от мук тех, кто особо упорствует в служении Имиру... Читая книги, Эйле постоянно задавалась вопросом: почему же все это кажется ей таким гадким? Почему она не радуется, узнавая о гибели еще одного людоедского племени? Об отравлении болот в Каар-Гуне? Неужели ее так одурманил Имир? Как ни мучилась Эйле, ей не удавалось найти в себе искру Улле. Она не могла поверить, что весь мир – зло и должен быть уничтожен. Эйле понимала: с ней что-то не так, но спросить у Граги боялась. В конце концов она решила оставаться такой, какая есть. Плохо это или хорошо, но ее сердце отказывалось принимать учение Улле. Эйле чувствовала в себе нечто, с чем не совладать никому. Она больше не боялась.

Она часто спрашивала у Граги:

– Почему я живу здесь взаперти? Ведь другие люди могут выходить из своих домов.

Но Грага не отвечала. Вскоре к первой машине с иголками прибавились две другие, и муки Эйле возрастали с каждым днем. Как будто ей пытались доказать, что жизнь – страдание, а смерть – благо. Но как ни старались машины, Эйле оставалась тверда. Однажды, когда она поняла, что у нее больше нет сил терпеть, в ее голове раздался голос. Он был не похож на те голоса, что она слышала раньше. Он был добр и мягок. Голос обращался к ней. Он сказал:

– Слово Имира в твоём сердце поможет тебе вынести все муки. Я жду тебя. Беги из клетки и иди на восток. Я буду указывать тебе путь.

Это и был голос Старика из пещеры; тогда Эйле услышала его в первый раз, а ночью, во сне, она увидела его самого. В тот день Эйле узнала счастье. Никакие жестокие машины отныне не были ей страшны. Она почувствовала: в мире есть что-то, ради чего можно вынести любую муку.

Старик стал ее заветной тайной, она изо всех сил старалась не произносить вслух его речи. Но она не была уверена, что это ей всегда удавалось, и не знала, могут ли машины выпытать знание о Старике из ее мыслей.

Шло время. Тело Эйле пребывало в муках, и жизнь в нем, наверное, уже едва держалась. И вот однажды Эйле почудилось, что Грага смотрит на нее с жалостью. Тогда Эйле сказала:

– Если тебе тяжело делать со мной все, что ты делаешь, я могу тебе помочь. Ведь если я умру, тебе не придется больше меня мучить.

Грага замерла. Эйле никогда не забудет ее взгляда. В ее карих глазах были жалость, отчаяние и испуг.

– Эйле, ты же знаешь, никто не в силах избавить человека от страданий. Но почему ты хочешь сделать это ради меня?

– Ведь я люблю тебя.

Тогда она заплакала. Эйле обняла ее и спросила:

– Скажи, почему все так неправильно? Почему меня держат здесь? Что, я не такая, как все? Мне кажется, будь у меня воля поступать, как я хочу, я смогла бы сделать людей счастливыми, не убивая их... Я смогла бы...

– Послушай! – Грага не дала ей договорить. – Я открою тебе всю правду. Тебя держат здесь, потому что ты выродок. Все, у кого в разуме царствует Улле, имеют на левой руке метку. Вот, смотри. – Она показала ладонь с черной родинкой – У тебя ее нет! Твой разум принадлежит Имиру. Эта камера, машины и я... все для того, чтобы узнать твои мысли, постичь душу детей Имира, их уязвимые места; как они чувствуют, как видят, как думают... Высосав из тебя все, что возможно, они убьют тебя... Это тоже придется делать мне. Я не хочу. Я помогу тебе бежать. Завтра...

Она не договорила, и Эйле так и не узнала замысла Граги. Может, та действительно хотела помочь ей, а может, это был всего лишь мимолетный порыв... Железная дверь распахнулась, и в комнату вбежали люди. Они схватили Грагу.

– Ты за это дорого заплатишь! – рявкнул один из них, – Грязная упырица! Испортила нам выродка и сорвала эксперимент!

А другой человек, низенький и шуплый, пробормотал:

– Мы сами виноваты. Нужно чаще менять этих Граг. Она слишком долго общалась с выродком. В ее мозг проникли элементы чужого мышления.

А потом они стали убивать Грагу на глазах у Эйле. В Гугане убивают не так, как в Мару. Людоедам такое и не снилось. Это продолжалось два дня; ей ни на миг не дали передышки. Об Эйле забыли. Наверное, она могла убежать. Ей было нетрудно выйти за дверь незамеченной. Но что делать дальше? Куда она пойдет, одна в неведомом мире? Эйле и не помышляла о бегстве. Она сидела, словно оцепенев, не в силах вымолвить слова, даже заплакать. Ее мир, ее жизнь – исчезли.

Грага молчала. Но на второй день Эйле услышала ее голос у себя в голове. Грага говорила с ней, не раскрывая рта:

– Эйле, девочка, теперь ты видишь: мир гадок и грязен. Я тебе не врала. И все же я постараюсь спасти тебя... Ты меня слышишь, а больше никто. Тебе дана сила, а ты даже не знаешь о ней... Сделай вот что. Войди в одного из этих людей. Вложи в его разум желание: увести тебя из Уркиса на юг, за Стену, в дикие земли; увести тебя туда и умереть. Вложи это желание в его мозг. Ты должна справиться. Окажешься за Стеной, ступай к своему Старiku. Он тебя ждет. Не бойся, о нем никто не знает, кроме меня. У меня хватило ума не говорить им. Прощай. Убей меня, если можешь. Эйле кивнула ей, показав, что услышала. И больше не двигалась. Она не знала, как выполнить просьбу Граги. Время шло, а она все так же неподвижно сидела на своей лежанке. Она уже не смотрела на казнь: ее глаза были открыты, но ничего не видели. Потом случилось невозможное. Эйле вдруг поднялась над полом и увидела внизу свое тело. Вместо боли и страха появились легкость и ощущение свободы. Даже горе как будто притупилось. Мир стал прозрачен. Эйле почувствовала себя всемогущей. Грага больше не будет страдать! Она выбрала одного из убийц – его называли Шуллоу. Он был похож на сытого кабана. Не раздумывая, Эйле ринулась вниз, сквозь кожу и череп, в темную глубину. Словами не скажешь, на что это было похоже. Глубокая пещера? Нет, не то. Как описать тяжелый град мыслей, скрежет чисел и слов под давящими сводами слепой и злобной веры? Мертвые, смрадные останки чувств? Огромные зияющие пустоты, в которых все, что там было когда-то, безжалостно выжжено? Далеко, в недоступной бездне, скрывалось нечто ужасное, злое и бесконечно, безумно чуждое всему, что живет; чуждое даже этому сожженному храму, его обиталищу, им же обращенному в пепел. Туда Эйле не посмела даже заглядывать, но в одном из пустынных залов она оставила часть себя, своего желания, своей воли... дворец из песка... Начертала знаки на стенах; они сверкнули, вспыхнули на миг и погасли, вошли в пустоту, растворились и

остались в ней. Потом все исчезло... И вот Эйле снова сидит на лежанке, ее тело по-прежнему недвижимо.

Что это было – сон, бред? Эйле не знала.

После случилось вот что. Шулла ошибся, не рассчитал свою силу. Всего одно неверное движение – и Грага умерла.

– Будь прокляты мои руки! – вскричал он. – Улле дал мне слишком много силы и слишком мало ума!

Остальные убийцы смотрели на него с ненавистью. Но никто не посмел ничего сказать, потому что Шулла был старшим над ними. Они ушли и заперли дверь. Эйле осталась одна.

О ней вспомнили через несколько дней. Вместо Граги стал приходить юноша. Эйле не знала его имени. Он приносил пищу и сразу удалялся, ни разу не заговорив с ней. Вскоре этого юношу сменил другой, того – третий. За стенами клетки что-то происходило, что-то быстро менялось. Эйле не знала, что именно, и не хотела знать. Ей было все равно. Она так и не пришла в себя и ни о чем не думала, как будто ее вовсе не было. Однажды ночью в комнату вошел Шулла. Он связал Эйле руки и ноги, заткнул рот и выволок из клетки. Так Эйле попала в большой мир. Когда-то она мечтала об этом, а теперь даже не хотела открывать глаз. Ей было безразлично, что она увидит. Ее волокли по земле, бросали, передавали из рук в руки. Потом поднимали куда-то, она качалась на веревках. Было холодно. Тогда она не знала, что это называется «холодно»: просто какое-то новое ощущение. Наконец ее привязали к чему-то мягкому и живому. Только тогда она открыла глаза. Небо уже посерело, начинался день. Эйле изумилась размерам неба и огромному пространству вокруг. Она увидела стену с квадратной дырочкой наверху... и узнала свое окошко. Ее охватил ужас. Жутко было видеть свой дом, свой мир снаружи. Ей показалось, что она сходит с ума. Она снова зажмурилась. Вдруг то, на чем она лежала, закачалось. Эйле долго боролась со страхом и наконец решилась на мгновение приоткрыть глаза.

Она лежала на спине огромного зверя. Это был мамонт, но тогда она еще не знала, кто это. Ей нравилось лежать на этой необъятной, раскачивающейся мохнатой спине; она чувствовала, что зверь чист, на нем нет метки. Ведь он не человек, и Улле над ним не властен. Мамонт, как и она сама, был в рабстве у злых людей, но только телом, а дух его остался свободен.

Перед ней в удобных креслах ехали двое: Шулла и Офнир, его слуга. Эйле слышала их разговор.

– Скоро я буду править всей этой грязной страной, – сказал Шулла; его голос был надменен и полон презрения. – Я заслужил это, Офнир, мудростью и долготерпением.

– Как же ты достигнешь власти, о господин?

– Это совсем просто. – Шулла захохотал. – Только сначала сделаем вот что. – Он повернулся и ударил Эйле по голове. Наверное, хотел оглушить ее. Однако Эйле по-прежнему все слышала. – Мы долго копались в мозгах у выроdkов, Офнир. Ты знаешь. Этой девкой занималась Грага пятьдесят шесть. Она кое-чего добилась. И хотела скрыть. Подлая тварь, она думала, что от меня может что-то укрыться. Ха! У меня глаза и уши по всему Уркису! Я знал каждый шаг Граги и каждое ее слово, не говоря уже о показаниях приборов. Оказалось, у выроdkов есть свойство, неизвестное им самим. От этого свойства один шаг до великого оружия, против которого не устоит никто. Когда я это понял, Грага была устранена. Она свое дело сделала, выкачала из девки почти все, что можно... Остальное за мной. Я убрал всех, кто знал хоть что-то об этой работе. И все равно опасался, что тайна уплывет из моих рук. Тогда я решил действовать наверняка.

– Поистине, нет человека мудрее тебя, о Шулла! – дрожащим голосом пробормотал Офнир.

– Почему ты не спросишь, куда мы едем и куда везем этих выроdkов, Эйле и Бату? Можешь не спрашивать, я и так скажу. Мы направляемся к Южной стене. В городе Катуня

будут ждать тысяча верных людей и все необходимое для завершения работ. Через десять дней оружие, дающее власть над миром, будет в моих руках. Я смогу вкладывать свои желания в голову каждому. Наши вшивые правители, Сурт и его прихвостни, эти черви с гнилыми мозгами, не успеют опомниться, как станут моими рабами. Самое забавное, Офнир, что они сами решительно ничего не заметят. Будут уверены, что по-прежнему делают что хотят. Тупые скоты! – Шулла вновь захохотал, а потом сказал: – Что-то ты дрожишь, Офнир тринадцать. Уж не захворал ли ты?

– О господин, зачем ты открыл мне тайну великого оружия?

– Ты и без того слишком много знал. – В голосе Шуллы звучала насмешка. – Очень уж ты любопытен.

Тогда Офнир – он сидел впереди – выхватил нож и перерезал себе горло. Шулла одной рукой сбросил труп на землю. Под ногами мамонта хрустели кости.

Они ехали дней пять или шесть. В отряде Шуллы было тридцать воинов. Боевые мамонты в железных налобниках, с бивнями, окованными сталью, бежали вдоль берега великой реки Хейд; бежали по болотам, пустынному криволесью, по голым равнинам, где рос только серый мягкий мох и кое-где торчали одинокие скалы. Людей они не встречали. Эйле знала из разговоров, что отряд сторонится торной дороги из Уркиса в Катую и избегает населенных мест. Все подчинялись Шулле, никто ни о чем не спрашивал. Двигались больше по ночам. Однажды на рассвете на холме на другой стороне Хейда показалась крепость. Отряд миновал мост, ворота распахнулись, и они въехали в город Катую. Там было много домов, одинаковых, серых и низких. Эйле и Бату бросили в темный подвал. Руки и ноги им не развязали. Раз в день им приносили пищу, вынимали кляпы, позволяли подползти к мискам и поесть, потом снова затыкали рты.

Один из стражей оказался разговорчивым. Однажды принес он пленникам корм и сказал:

– Скоро вам конец, смрадные вы выродки. Да и наши дела не лучше. Отыскивали нас людишки Сурта. Осаждают город вот уже третий день. А еще говорят, – тут стражник перешел на шепот и вытаращил глаза, как будто хотел их напугать, – едет сюда некто из страны Марбе. Все люди на его пути мрут как мухи. – Стражник злобно ухмыльнулся. – По ваши души едет, не иначе. Ладно, пойду, заболтался. Нынче еще за стену разок выйдем, повыпускаем кишки Суртовым слугам... А завтра видно будет.

Стражник забрал миски и ушел. А вскоре спустился в подвал сам Шулла. В руке он держал факел, глаза беспокойно бегали по углам. Он схватил Эйле и Бату под мышки – руки у него были могучие – и потащил из подвала. На улице ночь. Шулла побежал по узкой мощеной дорожке между домами. У самой городской стены бросил пленников, отворотил тяжелый камень – под ним лаз. Поволок их под землю. Там тьма кромешная. Сначала нора шла вниз, потом стала подниматься. Выбравшись из-под земли, они оказались уже за стеной, в лесу. Там Шулла ждал человек и стояла пара коней. Пленников привязали поперек седел и поскакали прочь от города. Ехали два дня. Ни Шулла, ни слуга не произносили ни слова. Наконец прибыли к Великой стене, что отделяет Гуган от Диких земель на юге. Стража открыла Шулле ворота, и они поскакали дальше страной людоедов. Вокруг все те же елки, болота и камни. Ночью остановились на привал. Слуга зажег костер. Шулла подошел к пленникам, и Эйле заметила в его глазах страх. Он освободил ее от пут и вынул изо рта кляп. Потом развязал и Бату. Сел напротив них и молчит. Эйле взгляделась в его лицо и поняла: Шулла в растерянности, не знает, что ему делать. Наконец он заговорил:

– Где погоня? Отвечайте.

Выродки молчали. Эйле пыталась заглянуть Шулле в мысли, чтобы найти путь к спасению, но ничего не выходило. Тогда Шулла сверкнул глазами и проревел:

– Слушайте, вы! У вас вся надежда только на меня! Больше вы никому живыми не нужны! Да и не отдам я вас живыми. Вам же лучше будет, если мне поможет. Я знаю, вы даже сквозь

стены умеете смотреть. Говорите, гонится за нами кто-нибудь или нет? А будете молчать, уж я найду на вас управу. Вон как пламя в костре скачет.

Шулла пнул ногой костер, взметнулись искры. Эйле ничего не знала о погоне, но понимала, что молчать нельзя: убьет. Тогда она набралась храбрости и сказала:

– Чую, едет с севера страшилище невиданное... люди все, его завидев, падают замертво, с берез осыпаются листья, у елок хвоя желтеет...

Эйле бормотала скороговоркой, дергалась, закатывала глаза, чтобы было похоже на припадок. Шулла весь посерел, обмяк, приоткрыл рот.

– Где? Где он? Близко?

– Куда уж ближе!

Тут как раз неподалеку затрещали ветки, и земля вздрогнула под ногами мамонта.

– Вот он!

– Ах ты... Улле ему в пасть! – Шулла вскочил, бросился к слуге и взмахнул мечом. У слуги голова отлетела на десять шагов. Потом подскочил к пленникам, опять замахнулся... и замер, не смог опустить меч. Лицо его налилось кровью. Наконец он вымолвил: – Нет! Будь я проклят! Я с ними еще потягаюсь!

Шулла отшвырнул меч, схватил Эйле и Бату в охапку и запихнул под густую ель. Подкапывал огромный камень, чтобы спрятать их от вражеских глаз. Потом подобрал меч и шагнул к костру. Огляделся. За деревьями было темно, и едва ли он мог там что-то увидеть. Вдруг из темноты раздался голос:

– Эй, Шулла! Где твои выродки? – Голос был человеческий.

Шулла захохотал:

– Гниют в земле! Вам и костей не достанется! В тот же миг из-за деревьев полетели стрелы. В Шуллу их вонзилось не меньше десятка, а он все не падал. Наконец рухнул навзничь, и голова его оказалась недалеко от елки, где прятались выродки. Эйле сказала:

– Ну, что, Шулла, не успел ты вытянуть из нас тайну всевластья? Зато хоть убедился, что наше оружие и впрямь могучее. Ведь ты его испытал на себе. И чего тебе в Уркисе не сиделось? И сейчас зачем-то вышел к костру, где в тебя целиться легче. Ведь ты не боя искал, а смерти. Это тебе за Грагу.

Только Шулла, похоже, не слышал ее, умер. Эйле и Бату не стали мешкать и потихоньку, ползком двинулись прочь от этого места. Их не искали, видно, поверили Шулле. Они отошли подальше, переночевали. А утром Эйле снова услышала зов Старика. С тех пор он указывал им путь. Так они и шли, пока не повстречали братьев.

Глава 4

ВСТРЕЧА

Бату не многое мог добавить к рассказу Эйле. Прожил он в клетке дольше и тоже ничего, кроме клетки, не помнил. Так же посещала его ежедневно женщина по имени Грага, но не та, что ходила к Эйле. Приносила пищу, обучала грамоте и закону Улле. Про внешний мир рассказала сама, не дожидаясь вопроса; а про то, что Бату – выродок, молчала. Мучили Бату еще сильнее, чем Эйле. Он приподнял волосы со лба, показал квадратный шрам. Тронул его пальцем и сказал:

– Здесь мягко. Кости нет. Сюда мне железные нити врастили. Года два или три я с ними лежал. Потом вынули...

В беседах, в тепле дни летели быстро. Вот уже морозы стали слабеть. Никто не тревожил их по-прежнему; они ждали весны.

Однажды залетел в нору порыв поганого ветра – удушки. Пламя в очаге затрепетало и погасло. Все четверо выбрались наружу – глотнуть воздуха и подождать, пока выйдут из норы дым и ядовитый смрад. Походили туда-сюда по снегу. Снег недавно выпал свежий. Вдруг Орми заметил незнакомый след. Большая двуногая тварь прошла у зимовья полдня назад. Ступня трехпалая, острая пятка, пальцы длинные и корявые, на каждом по семь коготков. Орми позвал брата и сказал:

– Гляди. Такого еще не встречали. Вот уж чудище!

– Нюхал след? – спросил Энки, помолчав.

– Нет. – Орми нагнулся, потом резко отпрянул и сел, побледнев.

– Ну, что?

– Худо, брат. Дрянной запах – Орми чихнул – Хуже некуда.

Энки подумал немного и сказал:

– Надо пойти по следу, узнать, далеко ли чудище и куда направляется. Вот только не знаю, брать ли тебя с собой. Неохота Бату и Эйле одних оставлять.

– Давай я по следу побегу, а ты тут посидишь. Очень уж любопытно взглянуть на эту гадину.

– Вряд ли ты ее догонишь, а догонишь – едва ли вернешься живым. Слишком уж след нехорош. – Энки покачал головой. – Ты останешься, я пойду.

И зашагал по колено в снегу, куда вел след – за угол скалы и вверх по склону каменистой гривы.

Эйле подошла к Орми, стала с ним рядом.

– Куда он?

– Да вот... След нашли непонятный. Энки пошел разведать, вдруг какая опасность...

– След? Где?

– Да вот же, у тебя под ногами. Эйле взглянула на след.

– Да... Кто-то здесь прошел. Но ведь в лесу, наверное, много всякого зверья ходит.

– Это не зверь. Нет таких зверей.

– А откуда ты знаешь? Ты ведь его не видел. Может, это самый обычный зверь.

Орми рассмеялся.

– Ну и ну! Обычный, говоришь? Это с семью-то когтями на каждом пальце? Сразу видно – не лесной ты житель. Знаешь, Эйле, тебе не мешало бы научиться разбирать следы. А то пропадешь. Следы – они вроде букв...

– А ты все-все следы знаешь? – Эйле искоса посмотрела на Орми и чуть улыбнулась.

– Понятное дело. – Орми выпятил губу. – И по запаху могу сказать, когда прошел зверь, был ли голоден, ну и...

– По запаху?! – Эйле вытаращила глаза, потом прыснула со смеху. Орми слегка надулся.

– Ничего смешного. Например, вот этот след оставила неведомая тварь, опасная и злая. Раньше в лесу такие не водились. И скорее всего, она не просто так здесь гуляла, а искала кого-то... может быть, нас.

Побродили еще немного вокруг и вернулись в нору. Воздух стал чище. Развели костер, сидят, ждут Энки. Ждут весь день и половину ночи. Вдруг Эйле говорит:

– Я слышу голос.

Замолчала, закрыла глаза. В забытьи она на этот раз не впала, наморщила лоб, приготовилась слушать... И заговорила негромко, глуховатым голосом. Сначала все шли непонятные слова, потом вдруг речь стала ясной:

– ...грагатунган будет прекрасен мой лик где моя метка кому я ныне лицом подобен время на месте друга примите о дети Имира ведь я так похож...

Речь оборвалась, как будто обрезанная ножом.

– Чей это был голос? – спросили хором Бату и Орми. Эйле ответила, запинаясь:

– Н-не знаю... Кажется, ничей. Что-то бесплотное... странные слова... злой ветер нашептал... в них не было смысла.

Утром, на рассвете, вернулся Энки. Влез в нору, сел у огня и молчит.

– Ну, что? – спрашивает его Орми.

– Да ничего. – Энки пожал плечами.

– Узнал что-нибудь?

– Ну как тебе сказать... Ничего важного. А как у вас?

Орми, Эйле и Бату недоуменно переглянулись. Потом Орми спросил:

– Куда след-то пошел?

– След? Туда, в горы. Я бежал, бежал, думал – догоню. Но не догнал. Ну и вернулся.

– И не узнал даже, что это за тварь была?

– А как? Говорю же – не догнал. Но я вот что подумал. Может, это птица? Трехпалый след ведь только у птиц.

– Хороша птица. Семь когтей.

– А что? Я вспомнил, мне рассказывали, есть такая редкая птица. Э-э... когтянка. Большущая. Но она на людей не охотится.

– Ах, не охотится? А запах? – Орми начинал сердиться. Бату удивленно покачивал головой. Эйле молча смотрела на огонь.

– Ну что запах. Обычный. По-моему, даже неплохой.

Сказав это, Энки бросил на Орми странный, настороженный взгляд. Орми пробормотал сквозь зубы:

– Запах был злой. Запах врага.

Энки задумался, потом быстро закивал:

– Да, конечно. А знаешь почему? Эта самая когтянка, она точно людей не кушает, но она зато этих копает... земляных...

– Червей, что ли?

– Ну да. Которые кровь сосут.

– Упырей?

– Во-во.

– М-да... Ну и кто же тебе рассказал про эту когтянку?

– Как кто... В родном племени рассказали.

– Ты врешь! – выкрикнула вдруг Эйле. – Ты что-то скрываешь!

Энки резко повернулся и уставился на девочку.

– Скрываю? Как же я могу от тебя что-то скрыть, если ты читаешь мысли? Попробуй, это так просто. Залезь ко мне в голову.

– Не хочу.

– Ну давай. Закрой глаза. Попытайся выйти из своего тела... – Энки заговорил возбужденно, с каждым словом голос его становился все громче. Он потихоньку придвигался к Эйле. Та вдруг отшатнулась и вскрикнула:

– Покажи руку!

Энки ответил:

– Зачем? Разве ты не знаешь, что у меня нет кисти на левой руке?

Он вытянул руку над очагом. Все молча уставились на культю. Потом Эйле бросила взгляд на потолок и закричала. Бату сказал:

– У тебя и вправду нет кисти, но тени ты отбрасываешь многовато... Оборотень!

На потолке дрожала трехпалая тень.

Орми выхватил нож, но прежде, чем он успел нанести удар, тело Энки обмякло, расплзлось, лопнуло и потекло. От лужи повалил пар, миг – и от оборотня следа не осталось.

– Как же так... – Эйле заплакала. – Никому нельзя верить... Ничему... Все, что мы видим, весь мир – тени, призраки... Все обман... Где теперь Энки?

– Не плачь. – Орми неуклюже положил ей руку на плечо. – Все ничего еще... Вон как быстро мы его раскусили. Они нас боятся.

– А Энки? Он вернется? – Эйле подняла заплаканное лицо. Орми моргнул и не ответил.

Они сели поближе к огню, прижались друг к другу, чтобы не было страшно.

Прошло полдня, вдруг смотрят – опять Энки лезет в нору. Орми взял головню из костра, в другой руке меч. Бату замахнулся копьем. У Энки голова и плечи внутри норы, остальное – снаружи. Глянул он на них да как заорет:

– Вы что, очумели, болваны? Ослепли? Это ж я!

– Это он! – радостно вскрикнула Эйле. – Это он!

– Ладно, влезай. – Орми швырнул головню обратно в очаг.

– Мозги вам, что ли, отшибло от страха? – ворчал Энки, отряхивая снег с одежды и пристраиваясь к огню. Потом потянулся погреть руки. Тень от культи была обычная. Орми и Бату с облегчением вздохнули.

Энки тем временем начал рассказывать:

– Эта трехпалая тварь неспроста сюда приходила. След совсем немного шел по склону на юг, потом повернул к востоку, а потом и вовсе на север, обратно. Чудище кружило здесь всю ночь, пока мы спали. А потом сдохло – хотите верьте, хотите нет.

– То есть как – сдохло?

– А вот так. Пойдем, я вам тушу покажу. Уж такая гадина! Прямо как паук. Руки-ноги длиннющие, по две коленки, по два локтя на каждой. Вся в чешуе и волосках. Мощная тварь, быстрая. Не хотел бы я встретиться с ней с живой. Ну, пошли, пока не стемнело.

Вылезли из норы, бредут следом за Энки. Вдруг Бату говорит:

– Почему ты сказал «пока не стемнело»? Ведь еще половины дня нет.

Энки хмыкнул, не оборачиваясь:

– Ты, Бату, в своей клетке небось дни не считал, времени совсем не чувствуешь. Как же нет половины дня, если я утром ушел и целый день бежал по следу? Вот-вот начнет смеркаться.

Орми так и обомлел. Рука сама потянулась к мечу. Энки тоже почувал – что-то не так, встал, обернулся. Орми сказал:

– Энки, мы тебя ждали день, ночь и еще полдня – вот сколько. Оборотень ты, а не Энки. Ну, да я тебя не боюсь. Сразись со мной, коли не трусишь.

– Сам ты оборотень! Чтоб ты пропал! Чего вы на меня уставились? По-вашему, я времени счета не знаю? Как это я мог ночи не заметить? Да будь я трижды оборотень, время-то для всех тварей одно!

– Кто его знает... может, и не одно, – пробормотал Орми, а Эйле сказала:

– Он не оборотень. Правда. Я бы почувствовала. Это Энки. И он не врет.

– Фу-ты! – Орми сел в снег, обхватил голову руками. – Как же ночь могла пропасть? Да еще и полдня в придачу.

Энки тоже растерялся. Сел рядом.

– Может, я заснул, сам не заметил как? Нет, не спал я. Весь свой путь помню отлично. И никакой ночи не было. Один раз только на миг все как будто потемнело... Ну, я тряхнул головой, снова стало светло. Подумал, это я воздуха дурного утром надышался. Бывает такое от дурного воздуха.

– Тайна здесь какая-то. – Орми покачал головой, – Все не просто.

Эйле вздохнула.

– Откуда нам знать, какие силы служат нашим врагам. Может, они и над временем властны. Помню, Грага мне говорила: чтобы замысел Улле осуществился, время должно повернуться вспять... Ой, ладно, пойдем посмотреть на чудище.

Вот и трехпалые следы, рядом – следы Энки. У чудища один палец длиной со ступню человека. Немного прошли по этой тропе, видят – на поляне примятый снег. Энки встал как вкопанный.

– Да что же это такое! – Энки с досады взмахнул руками. – Ведьдохлое оно было,дохлое! Холодохлое, не дышало, сердце не билось! Уж ядохлую тварь от живой умею отличить. Я по ней ногами ходил!

Стали разбирать следы на поляне. Чудище, полежав мертвым, встало и пошло дальше на север. Налево, к зимовью, направились два следа. Один – Энки, другой – оборотня. Были они одинаковые, никак не отличить, даже по запаху. Только один след посвежее – утренний, а другой – вчерашний.

Делать нечего, пошли обратно. У самой норы Эйле вымолвила:

– С чем-то неведомым мы встретились. Тварь бессмертная, тела меняет, как одежду. Ходит кругами, время с пути сбивает, принимает любой облик. Могучий враг.

– Знать бы, кто такой... – пробормотал Орми.

– А вдруг... – Эйле на миг замешкалась. – Вдруг это тот... некто из страны Марбе, которого так боялся Шулла?

– Марбианин! – воскликнул Орми. – Ну конечно! «Скитаются по телам и оживают где хотят». Помнишь, Энки, мы не поняли этих слов?

– Точно. – Эйле ткнула Орми пальцем в грудь. – Ты прав. Все сходится. Кроме одного. – Тут она чуть улыбнулась. – Он не смог нас обмануть, хотя должен быть всемогущим.

До самой весны в зимовье было тихо. Наконец дождались первой оттепели. Пришла пора отправляться в путь.

На первом же переходе они опять наткнулись на трехпалые следы. Энки сказал:

– Этот паук из Марбе, похоже, всю зиму вокруг нашей норы бегал.

– Если он враг, почему он нас не убил? – спросил Орми.

– А вдруг он и сейчас на нас смотрит... – прошептала с ужасом Эйле. – Из-за той скалы, или... прыгает по сосне, притворившись белкой... Разве нас трудно убить? Но он медлит, чего-то ждет. Подслушивает, хочет выведать какую-то тайну... Или чтоб мы указали ему путь к Старику.

– А ведь мы укажем, – усмехнулся Энки. А Орми помолчал и сказал:

– Неправда. Мог бы убить – убил бы. Да и Старика разыскать ему, наверное, нетрудно. Я думаю, он все-таки нас боится... почему-то. Может, он что-то о нас знает такое, что нам самим пока неведомо.

Два дня шли на восток. Кругом уже все журчало, слева в горах грохотали лавины. На проталинах торопливо прорастал первоцвет-смордик, с хрустом лопались тяжелые бутоны, распахивались бледные цветы. От цветов несло гнилью, над ними роились синие мухи.

На третий день Эйле повернула в горы.

– Уже близко! Так хочется поскорее дойти! Нам бы крылья...

Под ноги она почти не смотрела, то и дело поскальзывалась на замшелых камнях, но сразу же поднималась и бежала вперед.

Вдруг внизу, позади, раздался голос:

– Эй, постойте! Я с вами!

Голос был спокойный, открытый, ему хотелось верить. Но Энки и Орми помнили, как учила их Илыг: верь только тому, кто говорит «хочу потроха из тебя выпустить», другие ж, скорее всего, лгут. Эйле спрятали за камень, сами, с Вату вместе, пригнулись, подались вперед, приготовили луки. Энки тетиву натягивает культей, стрелу придерживает зубами. Ждут. Под ними внизу – каменная россыпь, огромные валуны и тощие кустики.

Вдруг увидели: пробирается между камней человек. Не молодой, не старый, движется уверенно. Одежды гуганские. Лицо как будто не злое. А главное – безоружен.

– Это, по-моему, выродок, – сказал Бату. – Если не оборотень, конечно.

Эйле выглянула из-за камня, взгляделась пристально в незнакомца и, немного запинаясь, сказала:

– Кажется, он наш... свой... сын Имира. Да, это друг.

– Говоришь ты как-то неуверенно, – сказал Орми.

– Не знаю... Нет, я уверена. Точно. Постойте, я вспомнила! – Эйле вдруг заговорила возбужденно и быстро, совсем как во время припадка. – Почему я не вспомнила раньше? Я знала это всегда. Это было во сне, давно, я жила еще в клетке... Я говорила со Стариком, и однажды мне показалось, что я вижу кого-то за его спиной. Лица людей. Там были вы, Орми и Энки. И там был этот незнакомец. И другие, кого мы еще не встретили. И я увидела путь, два пути, неизбежные, как два узких моста над пропастью. Они ждут нас... Этот человек наш друг, он должен был найти нас, без него мы не сумели бы спуститься на дно... Ой, что я говорила? – Эйле смущенно опустила глаза и покраснела. – Опять это со мной... Я сумасшедшая.

Человек приблизился. Влез на последний выступ. Вот он уже рядом с ними.

– Ну, наконец-то, – сказал незнакомец. Он улыбался и тяжело дышал. – Догнал я вас все-таки. Меня Аги звать. Я из Гугана, из Хаза. Вы ведь выродки? Я не ошибся?

– Мы-то выродки, – нахмурившись, проговорил Орми. – А вот ты кто такой?

– Я? О, это так сразу не скажешь! – Мужчина рассмеялся, покачал головой. – Надо же, четыре выродка вместе! Такое богатство... Знаете, сколько дают люди Сурта за одного выродка?

– Ты вот что, давай покажи руку. Языком молоть всякий умеет.

Аги показал ладонь. Там, где полагалось быть метке, кожа была чуть темнее.

– Ого! – Аги удивленно поднял брови. – Опять появилась. Прямо чудеса. Что такое со мной происходит, не знаю.

– Ну, ладно, – сказал Энки. – Сделаем, пожалуй, привал. А ты нам все по порядку расскажешь: кто такой, как сюда попал и зачем шел за нами.

Сели, развели огонь. Аги не пришлось тянуть за язык: как начал говорить, так до вечера рта не закрывал.

Родился Аги в небольшом селении неподалеку от Хаза, на севере Гугана, где чахлый лесок переходит в пустынную тундру. Родился, как и все, с меткой, с детства трудился в копиях,

добывал под землей железо. Жизнь серая, бездумная. Народ злой, каждый сам по себе. Соседа со света сживешь – вроде тебе воздуху больше. Драки, доносы – все казалось обычным, задумываться было лень.

Командовал рудокопами менхур под номером... Аги забыл номер. Кто такой менхур? О, это премерзкое существо. Менхуры водятся на северо-западе Гугана, а также за Стеной в стране, называемой Хуррианом. Их еще зовут головастиками. У них огромные круглые головы, лысые и глянцевые, глаза выпученные, взгляд липкий и долгий. Менхуры ничего не чувствуют. Они не бывают ни веселыми, ни печальными, не злятся, не радуются... В общем, кажется, что они не очень-то и живые. Потому все гуганяне менхурам завидуют. А еще больше – боятся. Боятся их оттого, что менхур – самая башковитая тварь на земле. Мозгов у него, если на вес брать, больше, чем всего остального. Такая плешивая головища на ножках. Менхур любого человека насквозь видит: знает наперед каждый шаг и каждое слово. Кое-кто думает, это чудо, а это никакое вовсе не чудо. Мыслей они не читают. Умные просто очень.

Менхуру ничего не надо, поскольку ничто не может ему принести ни боли, ни радости. Чаще всего он сидит день напролет – не шелохнется, смотрит в одну точку. Кто поглупее, говорят: это, мол, менхур думает, задачи решает. Но Аги-то знал, что это не так. Не будет за просто так думать менхур. Не станет зря мозгами скрипеть. И не то чтобы ему не хотелось думать или двигаться. Ему-то все равно. Надо – он сделает. Другое дело, откуда это «надо» берется. А берется оно часто. Что-то сидит в башке у менхура, что время от времени выводит его из оцепенения и побуждает к действию.

– Наверяд ли это душа, – рассуждал Аги. – По правде сказать, я думаю, никакой души у них нет. Это что-то внешнее, не менхурье. Какие-то приказы, что ли, они получают от Улле... не знаю.

В селении, где жил Аги, менхур был вроде вождя. Он указывал, кому сколько работать и где, в какую сторону пробивать туннели, назначал наказания провинившимся. Обмануть его никто и не пытался. Все ему подчинялись, хоть он почти не выходил из своего дома и силы в руках у него было не много.

Год за годом проходили одинаково и незаметно. Днем Аги работал, ночью спал. Он посмеялся бы в лицо тому, кто сказал бы, что в мире есть тайны. Он и знать ничего не хотел: все было ясно.

Но вот однажды случился в селении большой шум. Жил там один мужик по имени Кру. Старый, а все никак не уходил... В Гугане, особенно на севере и на западе, редко говорят «умер», обычно – «ушел». Почему – никто толком не знает. Может быть, потому, что люди почти никогда не умирают дома. Как кто соберется отдать концы, его тут же на телегу – и в город. Там специальные умиральни построены. Вообще-то в селении Аги редко кто доживал до старости. Там менхур всегда решал, кому в умиральню, а кому еще повременить. От старика в копиях толку мало. А менхур – не то что человек, зря никого мучить не станет. Так что грех на него жаловаться. Ну а Кру то ли забыли, то ли нарочно оставили – трудно сказать. Работал он как все, ничем особенным не выделялся. Разве что драться не любил. Его-то все били, кому не лень, а он – никого, даже самых слабых. Все думали – трусит или ленится.

Как-то раз загорелся в селении дом. Там растили детей до шести лет, до рабочего возраста. Горит дом, внутри детишки визжат. Народ собрался, стоят, радуются. Ну и менхуру, конечно, доложили. Тот и дал приказ: спасти добро. Там ведь много всего было: еды, одежды, разной посуды. Кого послать? Послали Кру. Вот он входит в горящий дом, долго оттуда не показывается, потом выбегает – и несет вместо добра, что ведено было спасти, двух обгоревших детей. Понятно, все обалдели. Доложили менхуру. Менхур велел детей – в умиральню, Кру – доставить к нему.

Аги было любопытно, что скажет менхур старику, и он вызвался его отвести. Приходят – они и еще человек пять, все в старика вцепились, чтобы не сбежал. Менхур посмотрел на Кру и сказал:

– Руку.

Старик вытянул руку. Метка на месте, все как положено. Менхур говорит:

– Выродок. В Уркис живьем.

– Помилуйте, господин, – запричитал Кру. – Какой же я выродок? Вот моя метка!

Но у менхура-то в голове не заложено в споры вступать. Так что Кру причитал напрасно: головастая тварь ни слова больше не вымолвила и даже не шелохнулась. Стали тащить старика к выходу, и тут Кру изловчился и плюнул менхуру прямо в рожу. Метко так плюнул. Ну, да там трудно промахнуться. Менхура, однако, этим не проймешь. Единственное, чего Кру добился, – сподвигнул лобастого на два лишних слова. Менхур сказал:

– Рот завязать, – и умолк уже окончательно.

Аги взялся доставить выродка в Уркис. Захотелось взглянуть на столицу, да и любопытно было поговорить с Кру – ведь настоящего выродка не часто встретишь. Аги надеялся, что в пути будет случай тайком развязать старику рот и спросить его... Что спросить, Аги пока не знал. Но интересно все равно.

Первую ночь пришлось провести в селении. Кру приковали к столбу на площадке для пыток, а наутро должны были отправить в Уркис. В эту ночь Аги поставили сторожить старика. Сбежать-то он не сбежит, но мало ли что. Вдруг кто из жителей захочет выродка помучить и он потом не дотянет до столицы. А было ведь ясно сказано: живьем.

Стоит Аги у столба с мечом. Скучно, делать нечего. Старика трогать не ведено... да Аги и не сильно хотелось. Аги хоть и был обычным гуганянином, меченым, но пыток с детства не любил. Не осуждал, конечно, просто они казались ему скучноватым развлечением.

Стемнело. Народу на улице никого. Старик у столба кряхтит. Аги подумал: а почему бы не поболтать с Кру прямо сейчас, пока никто не видит? Взял и развязал ему рот.

Старик поворочал челюстями, отплевался. Аги сказал:

– Ну и влип ты, сосед. Не позавидуешь. Ты что же, выходит, и впрямь выродок?

– Улле спроси, – проворчал Кру. – Почему я знаю? Да теперь уж все равно. Менхур сказал – выродок, значит, выродок.

– Да уж, – Аги усмехнулся. – Менхур не дурак. А сам-то ты ничего не замечал? В смысле, ничего такого... ну, в себе? Мысли там всякие...

– Мысли... – вздохнул Кру. – Мысли я замечал. Бывает такое, то ничего-ничего, а то вдруг раз – и мысль. Но это со многими случается. Ты сам не думаешь никогда, что ли?

– Ты мне зубы не заговаривай. Я вроде понятно спросил. Необычные мысли, которых не бывает у нормальных.

– Ты мои мысли видишь? – спросил Кру.

– Как же я их увижу?

– Ну вот и я твоих не вижу. Откуда мне знать, какие мысли нормальные, а какие нет.

Помолчали еще немного, потом Аги сказал:

– Как тебя угораздило подхватить этих двух сопляков обугленных? На кой они тебе сдались?

– Не знаю, сосед. Правда не знаю. Как-то само получилось. Размышлять было некогда. Того гляди, потолок обрушится. Я их и схватил. А как вышел, отдышался – сам удивился не меньше вашего.

– Да-а... – протянул Аги. – Где-то я слышал, что если человек не знает причины своих поступков, значит, им руководит злой дух. Как его... Имир, кажется. Выходит, ты действительно выродок.

– Выходит, – буркнул старик. – Выходит. Теперь чего? Куда меня? В умиральню?

– В какую умирающую! Размечтался! В Уркис живьем. Да ты же сам слышал.

– А в Уркис-то зачем? Не знаешь?

– Так ясно зачем. Распотрошат тебя, в башку иголок напихают, кровь размажут по стеклышкам. Выродок – редкая тварь. За вас золота знаешь сколько дают? Ого-го! Это, сосед, называется наука.

Старик вздрогнул, глаза его испуганно забегали.

– Слышь, Аги, браток, не хочу я в эту науку... Может, прибьешь меня, а? Хочешь, помучай сначала. Ну что тебе стоит? А потом скажешь, я сам сдох.

– Ну, ты даешь, старик! С меня ж за это три шкуры спустят! Менхура не обманешь.

Кру посмотрел на Аги долгим взглядом. Потом сказал:

– А я ведь, наверное, и вправду выродок. Выродок, да... Вот что, Аги. Посмотри-ка мне в глаза. Внимательно посмотри. Вот так. Хорошо...

Аги уставился на старика... и вдруг почувствовал, что не может отвести взгляд. Голова немного закружилась... Аги испугался, отпрянул.

– Есть у меня одна тайна, – сказал Кру. – Ты любишь тайны? Любишь, я вижу. Я тебе ее расскажу, а ты меня за это убьешь... Договорились?

Аги кивнул, не соображая, что делает. Потом подумал: ладно, послушаю тайну, тогда посмотрим... Обещать – не значит сделать...

А Кру между тем продолжал:

– Я тут недавно голос услышал... в голове у себя. Подумал сначала, это от старости, болезнь мозгов. Но он так связно говорил... Больные мозги такого не выдумают. А теперь, когда оказалось, что я выродок... В общем, это действительно был чей-то голос. Он меня звал и говорил: вместе мы обретем силу... Такую силу, с которой можно весь мир перевернуть. Может, я чего-то не так понял... Но, по-моему, этот голос предлагал мне стать властителем мира. Ну, как, нравится тебе моя тайна?

У Аги захватило дух. Он еле выговорил:

– Чей это голос-то был? Куда он тебя звал?

Кру усмехнулся:

– Во, интересно стало. Чей, говоришь, был голос? Не знаю. Какого-то могучего существа. Никак, ты, Аги, захотел вместо меня пойти и власть над миром получить? Ладно, пойдешь, я не против. Я-то уж стар, мне бы помереть поскорей. А у тебя, может, и получится. Только не забудь, что обещал! Убьешь меня – тогда и уходи. А путь неблизкий. Идти надо до города Кату. Это за Уркисом, далеко на востоке. Потом на юг до Стены. Переберешься через Стену – попадешь в Дикие земли. Иди на юг, пока не увидишь высокие горы. И вот где-то там или чуть левее живет это самое существо. Ну, скажешь ему: ты, господин, звал старого Кру, так я, стало быть, вместо него. Придумаешь, в общем, что сказать.

– Подожди-ка, – перебил его Аги. – А чего ты сам-то не пошел? Не хотелось, что ли, миром править?

– Пока я не знал, что я выродок, этому голосу не верил. Это ведь только выродки, если молва про них не врет, могут за тыщу миль друг с другом разговаривать. Вот я и думал, что это либо болезнь, либо наваждение какое-то, вроде твоей науки. А когда узнал, кто я, так уж поздно было. Вот тебе и вся разгадка. Ну что, слово-то сдержишь? Я тебе уже все сказал.

– Не сдержу, – ответил Аги и побежал прочь. Старик-то, наверное, решил: все, не вернется, в Кату пошел добывать власть над миром. А Аги помчался к сараю, где хранились кое-какие железные инструменты. Взял там большие клещи и вернулся к столбу. Ни слова не говоря – хрясь! – и перекусил старику ошейник.

– Бежим, старый, пока не рассвело! Пойдем вместе к твоему чудищу.

Старик, понятно, ошалел от радости. И они побежали по темной улице.

– Слышь, Аги, – пропыхтел Кру. – Меченые так не поступают. Ты, наверное, тоже выродок. Посмотри на свою руку.

Аги взглянул. Рука на месте, метка тоже. Странно, но Аги слегка огорчился.

– Дурь все это. Кем родился, тем и подохну. Селение кончилось, началась тундра. Валуны, кустики, мох. Спрятаться почти негде.

Аги и Кру надеялись затемно отойти подальше от людей, да не вышло. Светать еще не начало, как услышали погоню. А старик, как назло, совсем из сил выбился. Бежать уже не мог. Враги увидели беглецов, подняли крик.

– У тебя ножа нету? – спросил Кру.

– Нету. Я и меч впопыхах где-то бросил.

– Ладно, все равно живым не дамся. Улле им в пасть. Пускай свои гу изучают, твари проклятые. А ты, Аги, знаешь чего... Только не думай, что, мол, старый выродок спятил со страха. Мне кажется, ты спасешься. Пойдешь тогда без меня в Дикие земли.

Больше ничего не успел сказать. Налетели стражники, замахали мечами, заорали. Кру прыгнул вперед – и грудью прямо на меч. Умер на месте. Аги схватили, побили хорошенько и приволокли в селение. И конечно, сразу к менхуру. Тот выслушал стражников и сказал:

– Аги в умиральню. Категория три. Тугана пытать три дня без увечий, потом на работу в кандалах.

Туганом звали воина, который неловко выставил меч и позволил Кру зарезаться.

Потом Аги еще разок побили и повезли на телеге в Хаз. Он ехал и думал: что это значит – категория три? И чем она отличается от других категорий? Смерть-то одна.

Скоро телега загрохотала колесами по булыжной мостовой: въехали в город. Аги лежал на спине среди каких-то тюков и ничего, кроме неба, не видел. Остановилась повозка под высокой аркой. Пленника перекинули на другую телегу, поменьше. Затем его долго везли по полутемному коридору. Железные двери перед его телегой открывались и тут же захлопывались позади. Потом его сбросили на пол, освободили от пут. Стражник скомандовал ему встать и повел вниз по бесконечной винтовой лестнице с выщербленными ступенями. Где-то, по-видимому недалеко от центра Земли, лестница кончилась, и стражник махнул факелом и рявкнул:

– Шагай вперед!

Аги увидел три железные двери с высеченными числами: один, два, три. Две закрыты, третья распахнута. Аги шагнул в полутемный зал. Воздух там был спертый и плотный, пахло паленым мясом и плесенью. Стены и потолок тонули во мраке. В середине зала на каменном возвышении лежал человек. Аги мог видеть только ступни и руки, свесившиеся с возвышения. Стражники с угрюмыми лицами плотным кольцом окружали лежащего. Факелы, горевшие красноватым огнем у них в руках, освещали лишь возвышение и небольшое пространство вокруг. В глубине зала царил непроглядная тьма. Аги ощущал повсюду какое-то движение, шелест, дыхание невидимых существ. Зал был полон незримого присутствия кого-то – или чего-то – всеильного, безжалостного, всевидящего. Сердце Аги сковало холод, колени ослабели. Стражник почему-то не подгонял его, и он так и стоял у самого порога.

Внезапно из тьмы позади возвышения выплыла громадная черная фигура. Очертания ее были расплывчатые, терялись, сливаясь с окружающим мраком. И единственное, что можно было сказать наверняка, – эти очертания не имели ничего общего с человеческим телом или любой живой тварью, ходящей по земле. От движения черного призрака всколыхнулся воздух. Аги едва устоял на ногах. Затем наверху, высоко над головами стражников, зажегся мутный красный эллипс, подернутый серой пленкой, как остывающие угли костра. Чудовище раскрыло свой единственный глаз. Аги, наверное, умер бы на месте, если бы взгляд призрака упал на него. Но неведомая тварь смотрела пока на того, кто неподвижно лежал на каменном возвышении.

Из тьмы, из-под красного глаза, донесся глухой тягучий голос:

– Аруг тридцать шесть, служитель второго преобразователя, уходит в пустоту. Он недоволен отношением к обязанностям и пытался разгласить тайные сведения. Мы милостивы и вместо наказания жалуем его полной и вечной смертью. Пошел!

Скрипнули невидимые механизмы, и основание каменного возвышения осветилось снизу дрожащими сполохами. И вдруг вся прямоугольная глыба с лежащим на ней телом начала проваливаться. Человек по-прежнему лежал неподвижно и казался мертвым. Вот он исчез в зияющей дыре; оттуда повалил едкий дым. С двух сторон начали напирать на провал железные створки. В последний миг, перед тем как исчезла щель между ними, из бездны метнулось к потолку красное пламя.

Створки сомкнулись, из-под них донесся пронзительный вопль. Потом все стихло. Одноглазый призрак произнес:

– Аги семьсот двенадцать, подойди ко мне.

Глава 5

ОДНОГЛАЗЫЙ

На этом месте Аги запнулся. Оглядел своих новых товарищей, почесал в затылке и протянул:

– Да-а... вот те раз...

– Что случилось? Давай рассказывай! – наперебой заговорили его спутники. Аги беспомощно развел руками:

– Представляете, вылетело из головы. А что я, собственно, хотел сказать? О чем я... ах да. Подземелье... Нет, не знаю.

Наступила пауза. Потом Орми сказал:

– Ну-ка, Аги, напрягись. Ты рассказывал, как тебя привели в подземелье. Как отправили в адское пекло какого-то служителя. Потом тебя позвала одноглазая тварь. Что было дальше? Ну, говори!

Аги вытаращил глаза и молча уставился на Орми. Перевел дух и с видимым трудом выдавил из себя:

– Ч-чего? Т-ты хочешь сказать, что я, Аги семьсот двенадцать, только что говорил о подземелье, в которое меня кто-то привел, и о служителе, отправившем в пекло какую-то одноглазую тварь? Это же бред. В жизни не говорил ничего подобного.

– Кто-то из нас рехнулся, – заметил Бату. – Скорее всего, ты, Аги, потому что мы все слышали твой рассказ. Ты действительно говорил о подземелье, одноглазой твари и адском пламени.

Эйле спросила:

– Ну все-таки, Аги, ты был в этом подземелье? Может быть, ты не говорил об этом, но собирався сказать?

– Нет, конечно же нет! Что за чепуха! Я говорил, что меня привезли в Хаз. Это я помню. Помню, как катили по улицам. Потом я, кажется, потерял сознание. А дальше... очнулся в лесу. Не представляю, как я там оказался... Почему-то я знал, что нахожусь в Диких землях и могучее существо, о котором говорил Кру, где-то поблизости. Я даже знал, в какой стороне... Странно. Очень странно.

– Что именно? – мрачно поинтересовался Бату.

– Почему-то меня не удивило все это... Не помню, чтобы я удивился...

– А откуда ты знал о нас? – спросил Энки. – Когда мы встретились, ты сказал, что насилу догнал нас. Ты знал, кто мы и куда идем?

– Действительно... – Аги совсем растерялся. – И это я тоже знал... Четыре выродка... знал, что вы – мои друзья и тоже ищете могучее существо. Но откуда? Что со мной было? – Аги схватился за голову. – Наваждение! Тени, обрывки... слепцы... дырявая голова...

Он готов был разрыдаться. Эйле сказала:

– Ничего, не горюй. Наверное, ты просто забыл что-то, о чем не хочется вспоминать.

– Это бывает, – хмыкнул Энки.

– Но не так внезапно! – сказал Бату.

– Пойдите! – Аги резко взмахнул рукой. – Кажется, я догадался... Да, конечно. Сейчас все объясню. Вот оно что! Вы знаете, что выродки видят мысли людей? Ну еще бы... А у меня, когда я очнулся в лесу, неподалеку отсюда, метка на руке пропала... Стало быть, я тоже выродок. Сейчас, правда, снова чуть-чуть появилась. – Аги взглянул на ладонь. – Хм... Так вот. Я рассказывал, как меня привезли в Хаз. Мне оставалось сказать всего одну фразу – «потом я потерял сознание». Но в этот миг в мой мозг вошли чужие мысли. И я заговорил словами

другого, неизвестного мне человека. Он-то и стал нести всю эту околесицу про одноглазых в подземелье. По-моему, только так можно объяснить...

Аги запнулся. Видно, все это ему самому казалось не слишком правдоподобным. Эйле сказала:

– Да, здесь не обошлось без чужого. Но это не главное. Главное – мы тебе верим.

Они двинулись дальше впятером и шли по плотному мокрому снегу, оставляя цепочку глубоких следов. Один раз Эйле, шедшая впереди, остановилась и сказала, обращаясь к Орми:

– Ты учил меня разбирать следы, помнишь? Взгляни на снег впереди нас.

– Но здесь нет никаких следов.

– Правда? А по-моему, есть. Я вижу их... смутно, но вижу. Орми! Это же наши следы!

– Где? – растерялся Орми.

– Перед нами! Мы уже шли здесь когда-то. Мне кажется, я даже помню, как мы здесь шли.

– Чепуха! Мы здесь в первый раз.

– Хорошо, – вздохнула Эйле. – Пусть так. И все-таки жаль, что ты ничего не видишь, ведь я уверена, что не ошиблась.

Орми пожал плечами, и они зашагали дальше на юго-восток.

Шли дотемна, потом стали искать место для ночлега. Очень скоро им попалась уютная сухая расщелина – о лучшем местечке трудно было и мечтать. Они уже расположились там и развели огонь, когда Эйле вдруг сказала, что не хочет здесь оставаться. В ответ на удивленные возгласы друзей она пробормотала, потупив взгляд:

– Здесь кончается наш след... пахнет смертью... но я знаю, вы не послушаете меня.

– Конечно, не слушаем! – сказал Орми. – Опасно везде! Смертью пахнет везде! А это место – лучше многих других, где нам приходилось ночевать. Ты, Эйле, успокойся. Положись на нас с Энки. Вот увидишь, все будет в порядке.

– В порядке все будет или нет, никто не знает, – сказал Бату задумчиво. – И, пожалуй, стоило бы послушаться Эйле и уйти отсюда, если бы она сказала об этом чуть раньше. Но теперь уже и костер горит, и мясо жарится, и поздно...

– И мы останемся здесь, – подхватил Аги. – И будем ждать того, что уготовано судьбой. Потому что, как говорят мудрые люди, судьба – хитрая штука и от нее не сбежишь. Хотя, чтобы проверить это, следовало бы по крайней мере дважды прожить одну и ту же жизнь.

– Что-то ты совсем заговорился, – буркнул Энки. – Хватай скорей вон тот кусок, он уже готов.

На сытый желудок унылые мысли в голову не шли; говорили о пустяках. Засыпая, Эйле пробормотала:

– Здесь кончился наш след... и кругом валяются наши кости. Мы совершили ошибку, но она уже исправлена... Демон из Марбе разорвет ткань времени... Аги с нами, все будет хорошо.

Аги и Бату уже спали; Орми махнул рукой и сказал Энки:

– Не обращай внимания. У девчонки, видать, и впрямь что-то с головой.

Спустя недолгое время Орми шепотом позвал брата:

– Энки! Ты спишь? Пойдем поговорим.

Энки не спал.

– Это верно, – откликнулся он. – Поговорить надо.

Подкинув в костер веток, братья выбрались на каменную плиту, уступом торчавшую над расщелиной.

Влажный ветер с востока гнал в крошечной тьме клочья тумана. Далеко внизу протяжно, тоскливо выли волки: «У-улле!» Рев мамонта отдавался эхом в скалах.

Братья долго сидели молча. Они почти ничего не видели в темноте, но звуки и запахи говорили им больше, чем зрение.

– Странно, – сказал Орми. – Мне вдруг захотелось на минуту стать человеком... то есть обычным, меченым.

– Почему? – В голосе Энки слышалось недоумение.

– Я хотел бы увидеть все это... скалы, деревья...

– Днем не насмотрелся?

– Ночью, наверное, все по-другому. Ночью воздух чище. Знаешь, в последние дни я стал замечать странные вещи. Мир как будто стал чуть-чуть лучше. Он уже не кажется мне таким злым и враждебным, как раньше. Или это мы стали сильнее? Эти горы, цветы... они красивые.

– Да ты спятил! – Энки не мог сдержать возмущения. – Этот грязный, вонючий, гнилой насквозь мир ты называешь красивым? Эти голые безжизненные горы? Цветы с трупным запахом? Мерзкие ночные твари, ходячие трупы, сосущие кровь, – их ты тоже теперь полюбил? Ну уж нет! Не время сейчас благодушничать. Вот если бы нам удалось победить Улле и сделать все таким, как было раньше, тогда, пожалуй, я бы подумал еще над твоими словами. Но не теперь. Нашел, тоже мне, красоту.

Орми вздохнул.

– Ладно... Чего там. Ты прав, конечно. Хотя... Я вспомнил рассказ Веора. Светлые не видят зла. Значит, нашему Старика мир кажется по-прежнему прекрасным...

– Скорее, ему кажется, что мир просто исчез. Ведь на земле ничего, кроме зла, не осталось.

– А мы?

– Ну вот разве что... Мы для него, наверное, как одинокие фигурки в пустоте. Он нас разглядел и зовет... Вот только зачем? Что мы сможем сделать, ведь нас так мало. Ладно... Найдем Старика и пойдем вместе на север. Там еще эти есть, как их, великаны снежные. Это хоть какая-то сила, если они действительно великаны. Но послушай, ведь мы хотели обсудить что-то важное.

– Да, конечно. Что ты думаешь об этом Аги?

– Голова у него явно не в порядке. Да и не только голова. Эта его метка, которая то появляется, то пропадает. Станный мужик. Очень подозрительный.

– Если честно, – сказал Орми, – то будь моя воля, я бы его сразу убил. Для верности. Может, в нем есть что-то хорошее, но в башке у него, похоже, хозяйничает вражья сила.

– И потом, – подхватил Энки, – метка у него пропала после того, как он побывал в лапах у этого одноглазого подземного призрака. По-моему, все ясно. Это оборотень. Слуги Улле вывели ему пятно с ладони, чтобы сбить нас с толку. Но, поскольку метку невозможно свести начисто, она теперь снова появляется. Сам-то он, может, и не подозревает, кто он такой. Хотя, скорее всего, знает прекрасно и прикидывается. Я думаю, настоящий Аги, который пытался спасти старого Кру, навсегда остался в том подземелье... А нам подкинули его выпотрошенное тело, начиненное чужим разумом. Разве я не прав?

– Нет. – Орми покачал головой. – Вряд ли. Если бы Аги был не Аги, он не стал бы так мудрить, устраивать всю эту возню с внезапным забыванием. Он вполне мог придумать какую-нибудь связную ложь. Бегство из подземелья, путь в Кат, полный приключений и опасностей, постепенное исчезновение метки... Ну и главное, конечно, Эйле. Она ведь сразу раскусила тебя... то есть не тебя, а оборотня, принявшего твое обличье.

– А потом не дала вам разорвать меня на куски. Век ей этого не забуду. Но постой... Если ты ей так веришь, почему не послушал ее сегодня, когда она не хотела здесь оставаться?

У Орми по спине пробежал холодок.

– Не знаю... Сейчас мне почему-то кажется, что она была права... Но тогда я мог поклясться, что это вздор. Такое славное место. Следы какие-то она видела... Не было никаких следов. Ну да чего там, скоро станет ясно, кто из нас прав. Если ночь пройдет тихо... Понимаешь, Энки, у меня было такое чувство... это трудно объяснить... что мы не смогли бы найти

другое место для ночлега, даже если бы захотели. Мы как будто были обречены ночевать здесь. Поэтому я и сказал «вздор».

– Мне тоже так показалось. И еще, помнишь, Аги сказал что-то про судьбу... какую-то глупость. И я тогда вдруг понял, что найти другое место мы не сможем. Как все это, однако, странно.

Они помолчали немного, потом Энки спросил:

– Значит, ты считаешь, что с Аги все в порядке?

– Мне кажется, да, – сказал Орми, подумав. – По крайней мере, то, что мы называем Аги... и то, что себя воспринимает как Аги, – это наш друг, и мы должны ему доверять. Другое дело, есть ли у него в мозгу, в глубине, что-то чужое, до времени притаившееся...

– Ты думаешь, одноглазая тварь могла вложить в него свою волю, как это сделала Эйле с Шуллой?

– Если это так... – Орми вздохнул, – то плохо наше дело. Если бы знать наверняка... А пока нам остается только ждать. Ни убить Аги, ни бросить его мы не можем.

– Надо как-нибудь его испытать.

– Пожалуй... Но как? Нет, знаешь, я думаю, этого не стоит делать. Если уж мы идем вместе к Старика, то должны верить друг другу. А случай узнать что-то об Аги нам обязательно представится. Подождем. – Энки помолчал и немного погодя сказал: – Тебе не кажется, что мы сами как-то переменялись? Видеть немного по-другому, что ли, стали. Не замечал? Раньше ты не был таким добродушным. Враг – значит, враг, и убей его, в какую бы личину он ни рядился. А теперь... «если уж вместе», «должны верить»... О красоте заговорил. Да и я в себе иногда замечаю что-то похожее. Да что там – мы и говорить стали по-другому.

– Ну, нахваталась гуганских словечек... А вообще-то ты прав. Что-то переменялось внутри. Посветлело как-то. Наверное, потому, что мы теперь не одни. А может, оттого, что тайн стало меньше.

– Наверное. А когда Старика найдем, вовсе станем другими. Кстати, по-моему, мы завтра должны его найти.

– Вот как? Ты уже в будущее заглядываешь?

– Погоди-ка! – Энки неожиданно вздрогнул и замер. – Что это?

– Тихо! – Орми тоже насторожился, прислушался. – Упыри!

Тончайший многоголосый писк доносился со всех сторон. Сомнений не было: убежище окружено упырями.

– Не меньше двух десятков, – пробормотал Орми, холодея от ужаса. – А девчонка-то была права!

Братья прыгнули с уступа, на ощупь вползли в расщелину и принялись раздувать тлеющие угли. Писк раздавался все ближе. Наконец сухие сучья вспыхнули. Эйле и Бату закашлялись от дыма и проснулись. Аги продолжал безмятежно сопеть.

– Упыри идут! – сказал Орми. – Целая стая. А огня мало, как назло.

Вход в расщелину был неширокий, двоим не разойтись. Сверху ее прикрывала каменная плита. Эйле и Бату не успели еще толком понять, что происходит, как первый упырь с сиплым свистом выпрыгнул из темноты. В тот же миг Бату пронзил его копьем, Орми хлестнул по костяной морде горящей веткой, а Энки рубанул мечом. Упырь, видно, не ожидал такого приема и поспешно отступил во тьму, подбирая вываливающиеся потроха. Но тут же ему на смену явился другой. Этот оказался пошустрее. Он проскользнул под нацеленным на него копьем и метнулся к Энки, норовя вцепиться в горло. В последний миг Энки успел отскочить и ловким ударом рассек зловонную тварь пополам. Упырь рухнул бесформенной грудой, двумя корчащимися обрубками, наполнив пещеру невыносимым смрадом. Эйле тем временем успела позаботиться об очаге. Когда мужчины отбились от первых двух кровососов, костер уже пылал мощно и жарко. Третьего упыря встречали огнем. Это действовало куда лучше, чем железо.

Опаленные гадины тут же пускались наутек. Но каждый раз обожженных и напуганных сменяли новые.

– Дров больше нет! – крикнула Эйле.

– Разбуди наконец этого соню!

Аги по-прежнему мирно спал, несмотря на шум, дым и смрад. Эйле собралась было растолкать его, но тут земля под ее ногами заколыхалась... Страшный крик Эйле заставил Орми обернуться. Земляной пол пещерки заходил ходуном. Тут и там почва трескалась, вздымалась буграми и осыпалась, обнажая бурые костлявые лапы и белые черепа. Упыри лезли из-под земли, в каком-то неистовом ослеплении не замечая даже пылающего костра. Один из них попытался вылезти в самой середине очага; когда земля треснула, ему на череп посыпались угли. С диким воем упырь ушел обратно в землю, но и толстый слой песка не мог заглушить его пронзительного визга.

Энки остался защищать вход, Бату и Орми бросились на выручку к Эйле. Орми подхватил ее, лежащую без чувств, и кинул в единственный безопасный угол, где пол был каменным. Эйле свалилась прямо на спящего Аги.

Дела их были плохи. Орми и Бату отчаянно колотили головнями и мечами по прущим из-под земли черепам и цепким лапам, но было ясно, что долго им не продержаться. Упыри, нападавшие из леса, принялись метать в Энки камни. Один из них, отскочив от стены, попал ему в голову. В тот же миг налетевший упырь сбил его с ног, обхватил всеми четырьмя лапами и неторопливо, причмокивая, стал тянуться губами к шее...

И вдруг в пещере раздался грозный, могучий голос, от которого вздрогнули камни, а люди застыли как вкопанные. Голос был полон холодной ненависти и необоримой силы:

– Прочь, жалкие черви! Груаг тугур!

Мгновенно стих упыриный писк. Наполовину высунувшиеся из пола скользкие тела исчезли под землей. Никто не толпился больше у входа. Упыри скрылись.

Энки, Бату и Орми повернули головы туда, откуда раздался неведомый голос, принесший им спасение. В глубине пещеры, за очагом, стоял Аги. Вид его был ужасен. Он стал намного выше ростом, волосы на голове поднялись дыбом и шевелились, как живые; невообразимо увеличившиеся глаза, слившиеся в один надутый шар посреди лица, светились красным. Орми испытал ужас, даже близко не похожий на тот, который могли ему внушить упыри. Неведомое существо, стоявшее перед ними, существо, выдававшее себя за человека, воплощало в себе нечто куда более грозное, чуждое и злое, чем все, с чем он встречался когда-либо в мире... И главное, было ясно, что обернулись они поздно и худшее давно позади. Чудовище стремительно меняло облик, торопливо возвращало себе человеческие черты.

Волосы на голове у Аги пригладились, глаза разделились, сузились и померкли; сам он весь сник и сжался, сел, опустил голову, потом испуганно посмотрел на них... Это снова был Аги, каким они увидели его в первый раз. Эйле очнулась и села рядом с ним.

– О! Вы прогнали их! – сказала девочка. – Какое счастье! Даже не верится. Я думала, нам конец. Когда они полезли из-под земли... Мы должны были погибнуть. Мы ведь погибли!

Ее никто не слушал. Орми, Энки и Бату молча направились к сжавшемуся в комок Аги. Встали вокруг.

– Ты спас нас, – начал Энки осторожно. – Если бы не ты, нас бы уже высосали досуха. Но мы хотели бы знать, как тебе это удалось.

– И кто ты вообще такой, – процедил Бату сквозь зубы.

– Я... – Аги запнулся; глаза его виновато бегали. – Я не знаю... То есть... Это был не я! Клянусь вам, это был не я! Я не знаю, что это было!

– Но ты хоть помнишь, как прогнал упырей? Или опять забыл? – поинтересовался Бату.

– Помню. – Аги обреченно кивнул. – Помню. Но это все равно был не я. Я... я был как бы в стороне. Это невозможно объяснить!

Он обхватил голову руками и застонал. Поняв, что от Аги больше ничего не добиться, мужчины сели вокруг костра. Эйле тихо спросила:

– Что-то случилось? Почему вы все так на него надулись? Он преобразился, да?

– Да, – мрачно буркнул Орми. – Преобразился. Но ты бы видела как.

Долго все сидели молча. Потом Энки сказал:

– Ладно, хватит. Что бы там ни было, ты, Аги, спас нас от смерти. Честь тебе и хвала. Я думаю, упыри больше не сунутся. Давайте спать. Я посторожу.

Глава 6

СКВОЗЬ КАМЕНЬ

На другой день снова тронулись в путь. Аги брел последним понутив голову, всю дорогу молчал. Когда к нему обращались, он виновато отводил взгляд.

– Ты не грусти, – сказал ему Орми, когда они остановились на короткий привал. – Будь мужиком. Все нормально.

– Может, вам не стоит... – начал Аги, но тут же поперхнулся и закашлялся. Кашлял долго, до слез. Он явно хотел что-то сказать, но язык не слушался. Тут в глазах его сверкнул гнев. Он сжал зубы и что есть силы хлопнул себя по лбу.

– Будь я проклят! – выкрикнул он отчаянно. – Оно не дает мне говорить! Ну, я ему покажу! Слушайте! Нельзя меня брать с собой! Я не отвечаю за себя! Неужели вы не видите...

Судорога перекосила его лицо, челюсть съехала набок, дыхание перехватило.

– Ну да, как же мы тебя прогоним? – Орми дружески пихнул его локтем. – Кто тогда будет упырей отпугивать? То-то.

– Забудь об этом, – сказала Эйле ласково. – И не волнуйся. Мы тебя все равно не бросим. Ведь ты не виноват в том, что с тобой случилось.

– По крайней мере, – сказал Энки, – что бы там ни происходило, в твоей голове, даже если ты – не одно существо, а два, все равно вы оба пока на нашей стороне. Так что не горюй.

Уже за полдень они поднялись на кряж, с которого открывался вид на далекий снежный хребет на юге. Эйле остановилась и некоторое время растерянно озиралась.

– Где-то здесь... Мы уже почти пришли. Где же пещера? А! Знаю! Идите скорее сюда!

Эйле подбежала к одинокой, похожей на гигантский зуб скале с гладкими отвесными боками.

– Вот! Здесь, в этой скале! Она пустая внутри. Наконец-то!

Эйле смеялась, прижимаясь к прохладному камню.

– Но как мы туда попадем? – недоуменно сказал Бату. – Я не вижу входа.

Друзья раза три обошли скалу, внимательно осматривая все трещины, углубления и кусты у подножия. Входа не было. В растерянности они сели на мох, прислонившись к неприступному камню.

– Вот тебе и раз... – разочарованно протянул Орми. – Ничего не скажешь, на совесть Старик спрятался. Послушай, а ты уверена, что он там?

Эйле вздохнула и промолчала. А Энки сказал:

– Там, там. Я это тоже чувствую.

– Ишь, ясновидец... – проворчал Орми.

– Однако этот Старик мог бы и открыть дверь, – заметил Бату. – Звал, звал нас – и на тебе.

– Дверь открыта, – сказала Эйле чуть слышно. – Просто мы ее не видим.

– Все ясно, – пробормотал Аги. – Испытание. Вход, доступный только выродкам, чистокровным детям Имира. А всякие оборотни вроде меня... Знаете что, давайте я лучше уйду. Уверен, тогда вы сразу увидите дверь.

– Как-то ты странно мыслишь, – сказал Бату. – Все наверняка гораздо проще. Либо вход в пещеру на вершине скалы, и тогда нам нужно только забраться туда, либо должен быть подземный ход.

Подземный ход искали до вечера. Облазили все окрестные ямы, щели и трещины, шаг за шагом исследовали оба склона на четверть мили от скалы. Все тщетно.

– Придется карабкаться наверх, – сказал Орми, когда все уже сидели в темноте у костра, усталые и расстроенные. – Но как это сделать? Скала-то гладкая.

– Не совсем, – возразил Энки. – На южной стороне я уступ заметил вроде ступеньки. Высоковато, правда. А над ним – еще один. Если как-то добраться до нижнего, можно потом без труда влезть на вершину.

Наутро Энки сказал брату:

– Давай вот как попробуем. Я встану у скалы, упрюсь, а ты заберешься мне на плечи. Может, дотянешься.

Ничего, однако, не вышло. Уступ был слишком высоко.

– Не беда, – сказал Аги. – Я знаю, что делать. Это очень просто. Лестница! Срубим пару деревьев и соорудим лестницу.

– Машины... – поморщился Энки. – Наука... Гуганские штучки.

– Брось, – сказал Аги. – Я понимаю, конечно: техника – порождение Улле, и все такое. Прекрасно! Может, раньше люди летали, как птички, я не знаю. Но сейчас-то времена уже не те. Не разлетишься. Поэтому людям нужны лестницы, если они хотят забираться на отвесные скалы. И ничего плохого в этом нет, если брать лестницу саму по себе. Это просто несколько скрепленных палок. Эйле беспокойно озиралась, краем уха слушая спор.

– Мне кажется, – сказала она, – у нас нет времени строить лестницу. Надо торопиться. Сюда кто-то идет.

– Кто?

– Враги... Я не уверена, но... все равно лучше побыстрее.

– Враги – ерунда, – усмехнулся Энки. – Ведь с нами Аги. Он любых врагов разгонит.

– Если ты это серьезно... – начал было Аги, но Эйле перебила его:

– Перестаньте!

– Ну, хорошо. – Орми хлопнул ладонью по гладкой каменной стене. – Как же мы, по-твоему, туда заберемся?

– А вы... ничего не можете придумать? – Эйле жалобно оглядела своих спутников. Те угрюмо молчали. – Если бы кто-нибудь нам помог! Неужели мы совсем одни? Аги! Превратись в великана!

– Тьфу! – сказал Аги и отвернулся. Орми заметил слезы в глазах Эйле. Видно, опасность была нешуточная.

И тут они увидели мамонта. Огромный молодой самец, настоящий гигант с могучими, загнутыми кверху бивнями легко и почти бесшумно бежал вверх по склону каменистой гряды, к одинокой скале. Горбатая спина, заросшая густым красноватым мехом, покачивалась в такт его бегу; двигаясь в зарослях низкорослых сосенок, он ухитрялся не задеть ни одной ветки, на крутом склоне ни разу не наступил на опасно лежащий камень. Он направлялся прямо к ним.

– Какой великан! – восхищенно выдохнула Эйле.

– Белолобый. Никогда таких не видел, – сказал Энки.

Шерсть на лбу у мамонта была совершенно седой. Белое пятно резко выделялось на буровато-красном фоне. Зверь приближался. Аги и Бату заметно струхнули и попятнулись, чтобы спрятаться за скалой.

– Не бойтесь, – сказал им Энки. – Он не нападет. Мамонты могут быть опасны, но этот настроен добродушно.

– Но он бежит прямо на нас! – пробормотал Бату – Что, если он нас случайно и добродушно растопчет?

Энки и Орми только хмыкнули. Эйле зачарованно следила за великолепным зверем. Вот он уже у самой скалы. Здесь мамонт замедлил бег и встал в одном шаге от людей. Он опустил голову и коснулся земли изгибами бивней. Эйле робко шагнула вперед, и зверь протянул хобот ей навстречу. Девочка осторожно обняла мохнатый хобот – толщиной куда больше ее тела. Они замерли, мамонт и Эйле. Энки и Орми испуганно переглянулись.

– Что она делает? – шепнул Энки; его рука невольно потянулась к мечу, – Кажется, девочка совсем спятила. А мы и помочь-то ей не сможем.

Орми с опаской покосился на Аги – не вздумает ли тот преобразиться. Потом сказал брату:

– Не нам ее учить. Она видит больше и чувствует тоньше, чем мы. Она еще ни разу не ошиблась... Погоди.

Эйле гладила могучий хобот; зверь стоял неподвижно. Потом она сказала спутникам:

– Не бойтесь его. Он наш друг. Он пришел нам помочь. Помогите нам, Белолобый! Подними меня на ту ступеньку... Нам нужно найти вход.

Последние слова она произнесла уже в воздухе. Мамонт крепко обхватил ее хоботом и бережно поставил на уступ скалы. Аги вскрикнул, Бату попятился, споткнулся и грохнулся на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.